Клиника верности

Автор:
Мария Воронова

Клиника верности

Мария Владимировна Воронова

Судьба не по рецепту. Романы М. Вороновой

Обаятельнейший врач-психиатр Иван Анциферов, остроумнейший хирург Колдунов, начмед клиники Илья Лысогор, герои «Клиники верности» – прекрасные врачи, которые знают свою работу. Но за пределами больничных стен у них совершенно другая жизнь. Такая, что их пациентам даже не снилась!

Те, кто читал предыдущие романы Марии Вороновой, ждали этой встречи, и они не разочаруются.

Те, кто еще не знаком с этими героями, наверняка полюбят их и станут с нетерпением ждать очередной истории.

Мария Владимировна Воронова

Клиника верности

Замужество – это поле боя, а не постель, устланная розами.

П. Г. Вудхауз

© М. В. Виноградова, текст, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1

Илья Алексеевич вернулся домой в десятом часу вечера.

После работы он долго гулял по мрачному осеннему городу, бесстрашно ступая в антрацитовые лужи, зло разбивая ногами желтые, как кошачий глаз, отражения фонарей. Вглядывался в серые тени, спешащие мимо него, словно какая-то из них могла вдруг обернуться кудесником, готовым разом положить конец его отчаянию.

Не замечая пронзительного ветра, он перешел Каменноостровский мост, поглядывая на тяжелые, вязкие воды Невы, которые ветер шевелил с усилием, поднимая запахи солярки, тины и чего-то неуловимо свежего, чем всегда пахнет от больших рек. Он миновал Петропавловскую крепость, скользнул взглядом по минаретам мечети, еле различимым в темном облачном небе. Давно он здесь не бывал… Илья Алексеевич погрузился в воспоминания и сам не заметил, как ноги занесли его в глубь Петроградской стороны, к Медицинскому институту. Он прошел по улице Льва Толстого, легонько задевая рукой прутья железной решетки, огораживающей территорию, и достиг главного корпуса. Несмотря на позднее время, во многих окнах горел свет, а мимо Ильи Алексеевича сновали, громко болтая и пересмеиваясь, молодые люди. Он остановился, с улыбкой глядя, как студенты группируются, закуривают, меняются тетрадками, азартно жестикулируют. Ухо улавливало знакомые слова «пара, сессия, препод, зачетка, анатомка». Двадцать с лишним лет назад Илья Алексеевич точно так же бегал по отработкам, говорил те же самые слова… Неужели прошло столько времени? Целая жизнь…

Он нерешительно вошел в открытые ворота. Вот приземистое здание столовой, а вот седьмая аудитория, похожая почему-то на сельский клуб… Если пройти чуть дальше по дорожке, выйдешь прямо к общежитию, где Илья Алексеевич прожил все годы учебы, кроме последнего. Вполне достаточный срок, чтобы считать это место своим домом. Но воспоминание, неожиданное и острое, вдруг ударило в грудь, Илья Алексеевич развернулся и быстрым шагом отправился обратно на улицу Льва Толстого, молясь только, чтобы воспоминание не догнало его и не

накрыло с головой.

«Только не сейчас, только не сейчас! – твердил он в такт своим шагам. – Я должен сначала все решить, все устроить, а потом можно будет сколько угодно горевать и каяться».

Решить, ха! Если бы он только знал, что делать! Если бы мог найти хоть малюсенькую лазейку, хоть крошечную дырочку в окружающей его каменной стене безнадежности, он вгрызся бы в нее, не жалея себя. Если бы только он увидел дверь, хотя бы запертую, со всего маху бросился бы на нее. Но пока что он понимал: от любых его действий будет только хуже.

– Я дома, – сдержанно сказал он в пустой коридор и сел на топчанчик.

Ботинки, разумеется, насквозь промокли, носки тоже. Надо же, на улице он этого не заметил. Илья Алексеевич задумчиво пошевелил холодными и бледными пальцами ног.

Куртка жены висела в прихожей, тут же стояли ее сапожки, а тапочек, наоборот, не было. Значит, дома. Но не выходит его встречать. Что ж, за многие годы совместной жизни он к этому привык. Он взял ботинки, покрутил мокрыми носками в воздухе и пристроил сушиться на теплую трубу вентиляции в кладовке.

«Сколько лет мы живем, столько я прошу поставить в прихожей шкаф вместо вешалки! – Разумеется, ему не хватило духу произнести это вслух. – Живем, как в деревне, все наружу. Прекрасно же знает, как меня это бесит, но за двадцать лет так и не смогла найти шкаф, достойный стоять в нашем коридоре. О чем я только думаю? Если она поймет и простит нас, пусть делает все, что хочет, пусть хоть на пол наши пальто кидает, мне не жалко! Только она никогда не простит…»

Илья Алексеевич прошел в комнату. Жена сидела за компьютером, сосредоточенно двигая мышкой. То ли раскладывает пасьянс, то ли правит текст.

На скрип дверцы шкафа она отвлеклась:

– Что ты там ищешь?

– Шерстяные носки. Я промочил ноги.

– Только аккуратно! Ты вечно все перероешь!

– Если у тебя ничего не найдешь, – буркнул Илья Алексеевич, разбирая ворох колготок.

– Что?

– Ничего.

Один носок он выудил, теперь искал к нему пару. Как это трудно – искать пару. Хоть носок, хоть человека. Он подобрал более-менее подходящий по цвету и надел. Сразу стало теплее. Он сел на диван и уставился на жену. Почувствовав на себе тяжелый пристальный взгляд, она отвлеклась от своего занятия.

– Что, Илья?

– Я не отказался бы поужинать. Ты, конечно, уже поела?

– Разумеется. Я забочусь о фигуре и не могу себе позволить питаться после семи часов вечера. Впрочем, я могу разогреть для тебя.

Она поднялась из-за стола. Да, о такой фигуре стоило позаботиться. Высокая, с узкой костью, жена сохранила юношескую легкость тела.

– Нет, нет, работай. Я сам поем. – Илья Алексеевич усадил жену на место и в носках пошел на кухню.

Опять куриный суп, вздохнул он, ставя тарелку в микроволновую печь. Жена готовила не то чтобы невкусно, но как-то очень скучно. Ее обеды больше напоминали произведения добросовестного повара из столовой, чем домашнюю еду. Она жалела денег на продукты, да и процесс ее не слишком увлекал. Усталая после работы, раздраженная, она вставала к плите, варила суп, вертела котлеты из дурного жилистого мяса, но, сколько бы Илья Алексеевич ни

уговаривал ее отказаться от готовки хотя бы по будням, жена категорически отвечала: «В хорошей семье каждый день должен быть суп!» Вот так. Должен быть суп, и точка.

Жена принадлежала к той злосчастной категории хозяек, которые покупают вместо фунта хорошего мяса два кило мослов и бестрепетно смешивают картошку со вчерашними макаронами, чтобы сэкономить на гарнире. Она месяцами не меняла посудную губку, роль кухонных полотенец у нее исполняли куски старых простыней, комками разложенные по кухне в строго отведенных местах. Илья Алексеевич приучился пользоваться при бритье мылом, носить дешевые холодные скользкие носки и по утрам пить растворимый кофе, забивая кислый вкус тремя ложками сахару. Причем кофе, который покупала его жена, был не очень-то растворимым, приходилось все время вылавливать из чашки горькие коричневые кусочки.

Она ведала всеми финансовыми делами семьи, карточка мужа хранилась у нее, так же как и зарплатная карточка Алисы. Стипендию Алисе было позволено оставлять себе на мелкие расходы.

Жена гордилась, что мало тратит на хозяйство, но при всей своей экономности она была удивительно, фатально непрактична. Делая в доме ремонт, она сразу отстранила Илью Алексеевича, ибо ничего не понимает и сделает все не то, и покупала самые дешевые материалы. То, что приобретенные на распродаже половая и настенная плитки для ванной абсолютно не подходили друг другу по цвету, ее не смущало. Но шпаклевка осыпалась, плитка отваливалась, а дешевые обои, наклеенные на стены чуть ли не с помощью домашнего клейстера, предательски шли пятнами и пузырями, в результате через два года от ремонта не осталось и следа.

Когда собрались купить дачу, Илья Алексеевич пытался вносить свои предложения, даже подыскал симпатичный домик в садоводстве, сорок минут на электричке, но ему объяснили, что хотеть такое может только полный идиот. Слава богу, есть в семье нормальные люди. В результате было приобретено тридцать соток в болотистой местности, до ближайшего водоема двадцать километров, добираться на двух поездах, которые к тому же ходили не каждый день, плюс шесть километров пешком от станции. Дорога в один конец занимала пять часов. На дивном участке стоял полуразрушенный дом с разбитой печкой, жить в нем было попросту опасно. Жена закупила бревен на новый дом, но в последний момент пожалела денег строителям и возвела баню с летней

комнатой наверху. Печку в баню она так и не купила, летняя комната осталась неотделанной, а неиспользованные бревна валялись на участке и потихоньку гнили. Кончилось тем, что Илья Алексеевич, как мог, подлатал старый дом с помощью соседа.

Ему больно было думать, как прекрасно можно было бы устроиться на все эти, по сути, выброшенные деньги, а жена продолжала гордиться своим умением вести дела и считать его совершенно неприспособленным к жизни человеком, которого на пушечный выстрел нельзя подпускать к семейной кассе.

Последние годы в ней появилась некая поза, нотка надрыва, эдакого смиренного геройства двужильной женщины, тянущей на своем горбу взрослеющую дочь и никчемного мужа. То, что Илья Алексеевич был назначен главным врачом одной из крупных городских больниц, никак не разрушало этой стройной концепции. Карьера Ильи Алексеевича не интересовала жену, поскольку не приносила в семью большого дохода. В пример ему постоянно приводились другие начальники от медицины, многие из которых были их однокурсниками. Они без конца меняли иномарки, строили загородные дома, покупали квартиры детям. Жена тоже так хотела и старательно делала вид, будто искренне убеждена в том, что все это добро однокашники зарабатывают честным трудом, а ее муж беден не потому, что честен, а потому, что лопух.

Но Илья Алексеевич никогда в жизни не брал левых денег, и это было единственное, в чем он смел перечить жене. Будучи полностью отстранен от управления домашними делами, он отводил душу тем, что крепко хозяйничал в больнице. Выдвинувшись в главврачи из начмедов несколько лет назад, Илья Алексеевич прекрасно знал, какое заведение принимает под свою руку. Воровство в администрации было таким же обыденным делом, как внутримышечные инъекции. Профессор Колдунов, смеясь, говорил, что у бухгалтерии больницы «синдром обкрадывания» – есть такое понятие в сосудистой хирургии, когда кровь вместо мозга избыточно поступает в руку. Илья Алексеевич на свой страх и риск провел множество болезненных мероприятий, каждый раз ожидая, что его с треском выгонят. Его спасло только безоговорочное уважение коллектива, которое он завоевал в должности начмеда. Он разогнал бухгалтерию, вместо молодых цепких баб взял опытных старушек. Поменял начальника АХЧ. Ликвидировал отдел маркетинга, путем несложной арифметики выяснив, что на его содержание тратится больше средств, чем отдел приносит в больницу. Сменил поставщиков препаратов и расходного материала. Закончил ремонт оперблока, причем удалось сделать

так, что средства пошли действительно на ремонт, а не осели по карманам.

Он внимательнейшим образом изучал счета, караулил чуть ли не каждый мешок с цементом, проверял, соответствуют ли полученные препараты накладным. Единственным местом, куда Илья Алексеевич не совался, был пищеблок. Воровство на кухне неистребимо.

Но он прекрасно понимал: сравнительно честный уклад жизни в больнице продлится ровно до того момента, пока он сам является эталоном честности. Стоит ему хоть раз оскоромиться – все! Обозленные его ханжеством, сотрудники начнут воровать остервенело. И чем больше он будет их контролировать, чем жестче запрещать, тем циничнее они станут тянуть все, что не приколочено.

Илья Алексеевич положил себе зарплату по тарифной сетке, премии получал наравне с другими сотрудниками, по коэффициенту, и жил на эти деньги, подрабатывая частными консультациями.

«От трудов праведных не наживешь палат каменных», – отмахивался он от нападок жены.

Печка дзинькнула, Илья Алексеевич осторожно достал тарелку, отрезал себе кусок черного хлеба и, умостившись на краешке стола, заработал ложкой. Фирменный куриный суп. Точно такой же, как неделю, как двадцать лет назад. В семье все работают, приходят поздно, когда супу не очень-то и хочется. В будни вполне можно обойтись пиццей… Илья Алексеевич вздохнул. Он обожал эти итальянские лепешки с помидорами, колбасой и сыром. В конце концов, можно творогом поужинать или просто чаю с бутербродами попить. Но жена – человек долга, раз положено кормить семью супом, значит, так и будет. И неважно, нравится это семье или нет. Наверное, отсюда у Алиски и склонность к полноте, оттого что жена каждый раз заставляет ее съедать свои обеды.

– Илья, черт побери! С какой радости ты поставил в кладовку свои ботинки? Иди сюда, посмотри, какую грязь развел!

– Что я, грязи не видел? – буркнул Илья Алексеевич в тарелку.

– Это не смешно! – Не дождавшись его на месте преступления, жена сама пришла в кухню. – Ты вообще ни о чем не думаешь! Я только убралась!

– Я затру. Поем и затру.

– Да уж, ты затрешь. Я не могу расценить это иначе как неуважение к себе и своему труду.

Если бы я тебя не уважал, подумал Илья Алексеевич с неожиданной злостью, я бы кинул эти ботинки тебе в физиономию и заставил высушить и почистить.

– Где-то я должен их ставить, – сказал он вслух. – Не в комнатах же.

– Газету нужно было подстелить хотя бы.

Он пожал плечами и вернулся к еде. Жена налила себе минеральной воды и села рядом, отпивая маленькими глотками. Презрительный взгляд, поджатые губы, общее выражение оскорбленного достоинства. Всю жизнь Илье приходилось гадать, поджаты ли губы потому, что жена скорбит о несовершенстве мира вообще, или потому, что очередным проявлением несовершенства ее поразили муж с дочерью.

Как хорошо он ее знал! Как прекрасно изучил правила игры, которой они занимались все годы супружества! Жена отворачивалась, сквозь зубы цедила слова, и нужно было заглядывать ей в глаза, а потом робко спросить: «Дорогая, что с тобой? Я чем-то тебя обидел?» На это следовала неизбежная, как восход солнца, реплика: «А ты сам разве не догадываешься?» Обычно Илья Алексеевич не догадывался, и после нескольких его осторожных предположений следовала фраза: «Как ты мог?!» Вариантов продолжения было множество: забыть вынести мусор, сказать мне «отстань!», пригласить в гости приятеля. Илья Алексеевич каялся, после чего его ждала либо суровая отповедь, либо бурная истерика. Второй вариант нравился ему больше, после истерики у них случался хороший секс.

Не дожидаясь, пока жена поухаживает за ним, Илья Алексеевич поднялся и заглянул под крышки кастрюлек со вторым. Полуразвалившиеся куски вареной курицы из супа и картофельное пюре – серое, как несвежая простыня.

– А Екатерина Николаевна заливает пюре горячими сливками, – внезапно сказал он. – От этого оно получается такое белое, пышное.

– Кто такая Екатерина Николаевна?

– Ну как же? Супруга профессора Колдунова, ты прекрасно ее знаешь!

– А, эта старая дева, которая до сих пор не может поверить, что ее взяли замуж! – засмеялась жена. – Конечно, она готова вылизывать Яна с ног до головы за то, что он избавил ее от одиночества. Она, верно, ни на что уже не надеялась, когда он появился на ее горизонте. Вот и выпрыгивает из штанов.

– Я смотрю, ты всех женщин делишь на три категории: проститутки, старые девы и ты, – буркнул Илья Алексеевич, закрывая кастрюльки.

Жена с достоинством английской королевы приподняла бровь:

– Ты, кажется, вздумал иронизировать?

– Что ты, что ты! – Он ретировался на балкон.

Заболела голова, темя будто сжали каменной рукой. Каска неврастеника, привычно поставил он себе диагноз.

Накрапывал мелкий нудный дождик, возле подъезда жались мокрые несчастные голуби, склевывая размокшие крошки, насыпанные сердобольными бабульками. Курить не хотелось, но Илья Алексеевич вытащил сигарету и глубоко затянулся. На губах стало горько, язык защипало от мокрого дыма, но он мужественно сделал еще затяжку. Не простит и не поймет. Не захочет понять. А возможно, она, возмущаясь, падая в обморок и скандаля, в глубине души будет даже рада такому повороту событий. У нее на руках появится козырь, оружие, которое она обратит против них. Она разрешит, потому что не может не разрешить, но выжмет из этого все, что только можно выжать.

Господи, помоги, вразуми, как защитить дочь от ее атак, которые будут продолжаться всю жизнь?

1988 год

Когда заведующая отделением скрылась в дверях лифта, Жанна облегченно вздохнула. Подойдя к зеркалу, она сняла медицинский колпачок и попыталась вернуть прическе былую пышность. Это быстро удалось, и Жанна с удовольствием посмотрела на себя. Она была красива той особенной красотой, которую дарят человеку молодость и превосходное здоровье. Круглое личико с ямочками на щеках и лучистыми серыми глазами в обрамлении пушистых ресниц весело смотрело на мир, короткие каштановые волосы лежали волнами и красиво блестели. Жанна почти не пользовалась косметикой – природа подарила ей матовую нежную кожу, здоровый румянец и вишневые губки сердечком. Фигура в маленьком зеркале не отражалась, но Жанна и так знала, что она у нее прекрасная. Ноги, может быть, и не растут от шеи, и талия не осиная, но тело крепкое, подтянутое, упругое. Подмигнув отражению, Жанна заметила в зеркале Илью и обернулась. Он стоял возле ее рабочего стола и с улыбкой наблюдал, как она тут красуется. Жанна смутилась.

– Привет! – Подойдя ближе, Илья ласково обнял ее и поцеловал.

Она воровато огляделась: слава богу, никто из докторов не заметил, как она целуется со студентом. Разумеется, все знали, что у них роман, но по молчаливому соглашению делали вид, будто ничего не знают, покуда Жанна делает вид, что никакого романа нет.

Взяв за руку, Жанна потянула любимого за шкаф с препаратами, в спально-чайный закуток.

Усадив его на диван, Жанна крепко зажмурилась, ущипнула себя за бок и открыла глаза. Илья не исчез. Она положила руки ему на плечи и ткнулась губами в жесткий ежик его макушки. Неужели он рядом и она может целовать его, сколько хочет? Происходящее с ней последнее время слишком напоминало прекрасный сон…

Маленький коренастый студент, пришедший на цикл факультетской терапии, понравился ей сразу. В его группе было много рослых, красивых, самоуверенных мальчиков, но Жанна с первого дня мечтала только о нем. Его невзрачная физиономия с мелкими чертами лица и чуть раскосыми азиатскими глазами снилась ей в чудесных теплых снах. Она исподволь, сквозь ресницы, наблюдала,

как он внимательно слушает на занятиях преподавателя, как участливо общается с пациентами, и думала о том, какой он добрый и хороший человек. Занятия заканчивались в двенадцать, и Жанна всякий день подходила к большому арочному окну в конце коридора, чтобы полюбоваться, как он стремительной легкой походкой направляется в лекционный корпус.

Студент скрывался за дверьми аудитории, а Жанна стояла, машинально поддевая ногтем облупившуюся краску подоконника, и грезила о том, как они будут вместе. Она станет его женой, родит сына… Жена врача! Все медсестры будут ей завидовать. А он, наоборот, не станет стыдиться, что его супруга – обыкновенная сестра. Но она и не даст ему повода, ни за что не даст. Разумеется, она не будет получать высшее образование, всю душу отдаст семье, но в домашнюю курицу не превратится. Она станет постоянно совершенствоваться в своей профессии, получит должность старшей сестры и обязательно займется общественной работой.

Ее идеалом была Екатерина Михайловна, председатель институтского профкома. Всегда подтянутая, модная, красивая и безупречно вежливая, Екатерина Михайловна знала все о жизненных обстоятельствах всех сотрудников и принимала в них самое живое участие. Глядя на эту женщину в строгом деловом костюме и обязательных туфлях-лодочках на высоком каблуке, невозможно было представить, что за плечами у нее нет ничего, кроме медицинского училища. Общественные хлопоты Екатерины Михайловны не были назойливыми, истеричными, как это часто бывает у женщин, не имеющих собственной жизни и пытающихся поэтому руководить жизнью других. Она никогда никому не навязывала своих услуг, но работник, обратившийся за помощью, мог быть уверен, что председатель профкома сделает для него все возможное и даже больше. Жанна мечтала стать когда-нибудь такой, как Екатерина Михайловна – спокойно активной, доброжелательно строгой и чуточку стервозной, если того требуют обстоятельства. Такой она всегда будет интересна своему мужу.

Глядя из окна на мокрые асфальтовые дорожки и пожухлые лужайки институтского садика, Жанна мечтала и о том, как ее студент быстро сделает карьеру, станет профессором. А как же иначе, ведь она будет самой верной его помощницей! Сначала его, конечно, распределят в какую-нибудь глухомань, Жанна последует за ним, несмотря на маленького ребенка. В деревне, в маленькой комнатке на троих, без света и горячей воды, они будут все сильнее и сильнее любить друг друга. А заодно приобретут бесценный профессиональный

опыт, так что через три года обязательной отработки по распределению любая клиника откроет двери ее мужу. Она ни за что не станет попрекать его маленькой зарплатой, создаст все условия для работы над диссертацией… И через десять-пятнадцать лет, наполненных любовью и трудом, как знать, может быть, они будут ходить по этим дорожкам, уважаемые работники мединститута…

За несколько минут перед глазами Жанны проносилась вся ее будущая жизнь. Господи, прошу тебя, сделай, чтобы все было именно так! – энергично молилась она и бежала на пост, работать.

Студенты большей частью работали в учебном классе, а в палаты ходили всей группой вместе с преподавателем. Им не разрешалось самостоятельно смотреть больных, тем более делать назначения, так что повода заговорить с приглянувшимся мальчиком у Жанны не было. Она выдумывала себе разные задания, чтобы лишний раз пройти мимо аудитории, каждое утро проводила полтора часа перед зеркалом, наводя красоту, и, не умея шить, сострочила себе новый халатик на стареньком «Зингере» комендантши общежития. Выкройку она взяла из «Бурды». Проведя выходной день в беготне по магазинам, отдала половину зарплаты за симпатичные белые сабо, выгодно подчеркивавшие легкость ее щиколоток.

Она строила дьявольские козни, лишь бы столкнуться с ним в дверях, замирая от ужаса – как бы студент не догадался, что она везде его караулит!

… – Простите, вы не дадите мне историю Перетуриной? – услышала она и почувствовала, что стул под ней закачался.

Жанна боялась поднять глаза, ведь раньше она не слышала его голос так близко. Вдруг это вовсе и не он?..

Руки задрожали так, что пришлось положить ладони на стол, и Жанна почувствовала, как краснеет.

– Если можно, – продолжал студент. – Мне только переписать анализы для учебной истории болезни. Я никуда уносить ее не буду.

– Конечно, сейчас!

Она неловко встала, стукнувшись бедром о край стола, и начала перебирать пачку историй. При этом так волновалась, что перелистала пачку три раза, прежде чем опомнилась и достала нужную историю.

– Пожалуйста.

Он, держа в руках пухлую книжечку, нерешительно огляделся.

– Садитесь. – Она указала ему на свой стул.

– А вы?

– Не волнуйтесь.

Она устроилась на табуретке с торца сестринского стола и придвинула листы назначений. Сейчас у нее по графику было чаепитие, листы она проверяла гораздо позже – мало ли какое озарение может посетить припозднившихся докторов, но разве можно уйти с поста, когда он здесь!

Студент в недоумении изучал историю. Стандартная история болезни представляет собой ворох подклеенных друг к другу кусочков бумаги, исписанных скверным почерком. Непосвященному человеку разобраться в ней еще сложнее, чем прочесть древнеегипетский папирус.

Жанна решила прийти на помощь.

– Смотрите, здесь анализы крови, здесь, в кармашке, все кардиограммы с описанием, а на первую страницу выносятся данные рентгенограмм.

Показывая, она потянулась к нему и вдруг с ужасом обнаружила, что глубокий вырез ее нового халатика находится прямо перед его глазами.

– Ой! – Она быстро села на свою табуретку и сблизила лацканы рукой. – Слушайте, а ей же еще УЗИ делали!

Студент странно смотрел на нее. Ласково, забавляясь ее смущением, но в то же время как-то оценивающе, что ли…

– Ах УЗИ… – протянул он после долгой паузы. – Это очень интересно. А где результаты?

– Дайте, я найду… Вот!

– Спасибо.

Жанна внимательнейшим образом проверяла листы назначений, а студент переписывал историю. Они то и дело поднимали друг на друга глаза, встречаясь взглядами, быстро опускали головы и начинали писать, но тут же снова косились друг на друга.

Наконец листы закончились. Жанна растерялась. Встать невозможно, а просто сидеть без дела глупо. Она поднялась:

– Доктор, хотите чаю?

– А?

– Давайте сделаю вам кружечку.

Они не дождались, пока в стареньком чайнике закипит вода. Через десять минут, наскоро представившись друг другу, они самозабвенно целовались за шкафом.

Жанна была счастлива так, что болело сердце. Они с Ильей виделись почти каждый день. Если сосед по его или ее комнате в общежитии вечером уходил, шли туда, ужинали и целовались до головокружения, причем с каждым разом Илья становился все напористее. Правда, почти за каждый такой уютный, почти семейный вечер приходилось платить долгими прогулками по городу, ибо соседям тоже нужно было принимать гостей. Оба были легки на ногу, исходили весь центр Петербурга. Сидели в Румянцевском садике, спускались к Неве возле сфинксов, крепко обнявшись, чтобы спастись от холодного питерского ветра. Потом по Тучкову мосту переходили со светло-голубого Васильевского острова

на мрачную Петроградскую. В самом начале Большого проспекта делали привал в кафе-мороженом. Пили скверный кофе и смеялись над покрасневшими от холода и ветра носами. Оба часто теряли перчатки, поэтому приходилось отогревать друг другу руки, дуя и растирая, а однажды Илья засунул ее руки себе под свитер и еле сдержал вопль, ибо они были очень холодными…

… – Ты завтра не работаешь? – спросил Илья. – Поедем к Ольге, у нее родители на даче.

Жанна вздохнула. Она не очень любила встречаться с ребятами из группы Ильи. Все они были из уважаемых медицинских семей, и Жанне чудилось, что они относятся к ней свысока. Участвуя в студенческих посиделках, она чувствовала себя неуютно. Мальчики не обращали на нее внимания, а девушки общались с ней как будто любезно, но Жанне казалось, что они ловят каждое ее движение, каждое неудачное слово, чтобы вдоволь посмеяться за спиной. Они были с ней нарочито внимательны, задавали вопросы про ее работу, но, слушая Жаннины обстоятельные ответы, хитро переглядывались и усмехались. Она, восемнадцатилетняя медсестра из Саранска, была для них чем-то вроде развлечения, как клоун на детском утреннике. Даже ее имя, казалось, служило им пищей для насмешек. Ничего, все изменится, когда я стану женой Ильи, утешала себя она.

Она не очень хотела идти к Ольге, но… Наступала зима, улицы были полны снежной каши, а сапоги совсем прохудились.

Жанна думала, что попадет на шумную студенческую вечеринку с морем дешевого алкоголя и танцами, но выяснилось, что Ольга пригласила только своего молодого человека и Илью с девушкой. Принимая у Жанны куртку, она улыбнулась. Впрочем, Ольга никогда не подсмеивалась над ней, хотя и не считала нужным защищать от нападок других девчонок.

Накрыли аристократически скудный стол, Илья ловко откупорил бутылку хорошего вина. Оказывается, Ольга отмечала помолвку со своим молодым человеком. Вчера они подали заявление в загс, и теперь им хотелось тихих посиделок.

Это был очень приятный вечер. Первый «взрослый» прием в Жанниной жизни.

А потом Ольга оставила их ночевать, словно это само собой разумелось. Просто вышла из комнаты и через некоторое время вернулась уже в халате, с распущенными волосами, зевнула и сказала: «Я постелила вам в своей комнате. Пойдем, Жанна, покажу тебе полотенца».

Жанна растерялась. По спокойному виду Ильи она поняла, что он заранее знал, чем закончится этот вечер.

Приняв душ в чужой ванной, она надела Ольгин халат, чувствуя себя очень неуютно. Из зеркала на нее смотрела растерянная, испуганная девчонка, словно умоляя Жанну одуматься. Пусть это случится, пусть он сделает это со мной, но не сейчас, не так! – мысленно взмолилась Жанна. Пусть лучше наш первый раз будет в общаге, где нет такой роскошной ванной, да вообще никакой ванной нет, только душевая в конце коридора. Пусть там узкая железная кровать с гремучей сеткой, пусть слышно соседей за стеной и приходится вздрагивать от каждого шороха и каждую секунду ждать возвращения соседки. Но там мой дом, другого у меня нет. Приходи в мой дом, бери мое тело и мою душу. Пусть скрипучая кровать станет нашим первым семейным ложем, пока мы не заработаем на лучшее.

Она поспешно сняла халат и переоделась обратно в свои вещи. Пусть Илья отвезет ее в общежитие.

Но он так нежно обнял ее! Губы легко коснулись ее шеи…

– Как ты долго… Я извелся весь…

– Илья, пожалуйста, поедем домой!

Она сказала это еле слышно, ее решимость слабела с каждой секундой.

– Ну что ты, малыш! Чего ты испугалась?

Он ловко расстегнул пуговицы ее блузки и опустился на колени, проведя кончиком языка по животу. Жанна почувствовала, что ноги перестают ее держать, колени обмякли так, что она вынуждена была опуститься на диван.

Сердце билось как сумасшедшее. «Уступи, – нашептывал ей сладкий голосок. – Вы не можете друг без друга, вы все равно что муж и жена, осталось только уладить формальности. Твой отказ оскорбит его, он подумает, что ты ему не доверяешь. Разве можно торговаться, Жанна? Ты любишь его, он любит тебя, что плохого может с вами случиться?»

«Ты прав, – ответила Жанна голосу. – Просто я никогда раньше этого не делала, вот и мучаюсь глупыми страхами. Точно так же я психовала бы в общаге. Нужно забыть обо всем, кроме нашей любви».

Он ласкал ее так нежно, так бережно касаясь самых укромных уголков ее тела, что Жанна совершенно не чувствовала стыда. Другой рукой он крепко, ободряюще обнимал ее. Когда Илья вошел, ее лоно с готовностью приняло его, боль была глухой, мимолетной и сразу исчезла, а вслед за ней исчезла и чужая комната, и весь остальной мир. Остались только они вдвоем – в невесомости, в пустоте, в вечности.

Глава 2

То ли от переживаний, то ли из-за прогулки под дождем у Ильи Алексеевича разыгрался застарелый остеохондроз. Правое плечо болело так сильно, что трудно было даже подписывать бумаги. Все жалели главного врача, который ходил по клинике, неся руку, словно хрустальную вазу, и наперебой предлагали помощь. Илья Алексеевич отмахивался. Ему было не до капризов собственного организма.

Рано или поздно пройдет само, или, в крайнем случае, я сдохну, думал он, как думают, заболев, многие медики. Но плечо с каждым часом мучило все сильнее.

Чуть не взвыв от острой боли во время очередного рукопожатия, Илья Алексеевич поехал сдаваться в военно-медицинскую академию.

Деликатно постучав, он заглянул в ординаторскую. Виктор Сотников, молодой доктор, прилежно заполнял истории. За соседним столом праздно развалился другой молодой доктор – с нахальной физиономией. Илья Алексеевич

поздоровался с обоими.

Сотникова он хорошо знал благодаря профессору Колдунову, который считал Виктора лучшим своим учеником. С другим доктором, психиатром Иваном Анциферовым, Илья Алексеевич раньше не был знаком лично, но знал, что недавно тот защитил его дочь Алису от разбушевавшегося в больнице наркомана. Поэтому, несмотря на боль, сердечно протянул ему руку. Молодой человек энергично потряс ее и вернулся к своему занятию – корчить рожи рыбкам в аквариуме.

– Хватит рыб донимать, Иван, – сказал Илья Алексеевич ревниво, – отсядь вообще. Они на тебя смотрят и размножаться не хотят.

Рыбки были давней страстью Ильи Алексеевича. Он разводил их с детства, даже в общежитии у него был маленький аквариум, в котором бурно, несмотря на тесноту, плодились гуппи и меченосцы. После нескольких лет брака жена заставила его от рыбок избавиться. От компрессора у нее болела голова, вода якобы выливалась из аквариумов и портила ценный паркет, и вообще «чертовы рыбы» занимали слишком много места. Илья Алексеевич перетащил все свое рыбное хозяйство на работу, где его подопечные неожиданно расцвели: потолстели, посвежели и принялись размножаться с неодолимой силой. Потихоньку страсть к рыбоводству овладела многими докторами, аквариумы появились почти во всех отделениях, а некоторые питомцы перекочевали в другие клиники. Эти вуалехвосты тоже были отдаленными потомками рыб Ильи Алексеевича.

Отстранив Ивана, он приник к стеклу и сразу забыл обо всем на свете.

– Ух ты! – Среди рыбьей мелочи в водорослях величественно висел тритон. Настоящее чудо, Илья Алексеевич раньше не видал таких красавцев. Большие круглые глаза на плоской морде смотрели мудро и укоризненно, широкий рот-кошелек был брезгливо поджат, а брюшко солидно выпячено. Лапки у тритона были коротенькие, с тонкими растопыренными пальчиками. Серая, в коричневых, как у леопарда, пятнах кожица казалась бархатистой, словно тритон вопреки законам природы был покрыт шерсткой. В ответ на восхищенный взгляд Ильи Алексеевича тритон милостиво шевельнул длинным хвостом и вновь застыл в неподвижности.

– Откуда он у вас? Я раньше нигде таких не видел! – От восторга Илья Алексеевич на секунду забыл и о боли в плече, и о других своих проблемах.

– Это нам больные принесли. Уж не знаю, где они его выловили.

– Супер! Сколько же ему лет?

– Понятия не имею, – засмеялся Сотников. – Он не говорит.

– Хорошо бы ему пару найти. В выходные съезжу на рынок, погляжу. Это у вас кто, самец, самка?

Виктор пожал плечами, а Иван решительно закатал рукав халата, явно намереваясь вытащить тритона из глубин и провести тщательный медицинский осмотр.

– Уймись, Иван! – остановил его Сотников. – Не лезь к нему, это же наш сотрудник! Мы с его помощью диагноз аппендицита ставим.

– Как это? – изумился Илья Алексеевич.

– Да очень просто. Подводим ребенка к аквариуму, показываем. Если он прилипает к стеклу, как вот вы, значит, все в порядке, а если ему тритон по фигу, то надо оперировать. Точность диагностического теста стопроцентная.

– Статью напишите. Симптом тритона в диагностике острого аппендицита, – посоветовал Илья Алексеевич. – Витя, я чего пришел-то… Остеохондроз замучил, спасу нет. Можешь массаж сделать?

Сотников молниеносно освободил от историй два сдвинутых вместе стола и расстелил на них байковое одеяло.

– Ложитесь!

Илья Алексеевич неловко разделся до пояса, явив миру крепкий торс полного сил мужчины, и лег на живот. Виктор размял руки, как делает пианист, подходя к роялю, и принялся массировать спину. Пальцы у него были железные, Илья

Алексеевич замычал от боли.

– Потерпите, сейчас легче станет.

– Да уж терплю.

Иван с интересом наблюдал за экзекуцией, приговаривая, что согласиться на такое могут только законченные мазохисты. То, что Илья Алексеевич был гораздо старше его и занимал высокую должность, ничуть не смущало молодого психиатра.

Сделать ему замечание за нарушение субординации язык не поворачивался, все-таки спаситель дочери. Иван встал, потянулся, и Илья Алексеевич невольно залюбовался его гибким сильным телом. У парня были правильные и тонкие черты лица, но, слава богу, он не выглядел слащавым красавцем. Хорошо бы мне такого зятя, вдруг подумал Илья Алексеевич. Сердце тут же заныло.

Иван открыл холодильник, стоявший в дальнем углу ординаторской, вытащил шмат сала, отрезал кусочек и, насвистывая, покрошил его на разделочной доске. Прежде чем Илья Алексеевич успел его остановить, он бросил кусочки сала в аквариум.

Илья Алексеевич исторг стон боли – не физической, но душевной.

– Ты что творишь, фашист?

– Кормлю ценного сотрудника. Смотрите, как лопает!

Действительно, тритон вышел из нирваны и теперь бодро плавал у поверхности, глотая сало.

– Обожрется, – предрек замогильным голосом Сотников, разогревая мышцы Ильи Алексеевича. – Заработает себе панкреатит. Или кишечную непроходимость. Учти, Иван, клизму ему ставить будешь ты.

Заверив тритона, что не допустит, чтобы злые люди морили его голодом, Иван церемонно попрощался. Ему пора было на лекцию.

– Это просто варварство! – заявил Илья Алексеевич, но тут Сотников приступил непосредственно к массажу, и бедному пациенту стало не до тритона.

Он уронил голову на стол и закрыл глаза. Каждый раз, когда Витя делал ему массаж, Илье Алексеевичу казалось, что тот разбирает его скелет по косточкам, а потом собирает заново, но обострения снимались только этими мучительными сеансами.

Стукнула дверь.

– Витя, черт тебя дери, – сказал знакомый голос. – Илья, привет! Сочувствую тебе.

– Ян Александрович! Мое почтение! – Пользуясь тем, что при появлении профессора Сотников перестал терзать его плоть, Илья Алексеевич приподнял голову.

– Как ты? Терпишь? – наклонился к нему Колдунов. – Я один раз отдался ему в руки, так он чуть в блин меня не раскатал!

– Да нет, ничего. Даже приятно.

– Правда? Илья, знаешь, я уже вторую неделю собираюсь тебе звонить. Но раз уж ты здесь… Можно я тебя кое о чем попрошу?

Илья Алексеевич прокряхтел, что да, можно.

– Видишь ли, я тут наконец полную пенсию выслужил. Могу погоны снимать. И я подумал, не возьмешь ли ты меня к себе на полную ставку? Работал бы у тебя, в академии гражданским профессором совмещал, плюс денежки бы капали от родного государства. С пенсией по жизни! А? Мне ведь много не надо, больше чем на простого хирурга я не претендую. Руководящей работы на всю жизнь наелся.

– Завтра поговорю с кадровиком. Половинку ты у нас дежурствами вырабатываешь, найдем тебе и целую. А ты точно на руководящую работу не хочешь? У меня ведь начмеда по хирургии до сих пор нет. Может, пойдешь?

– Ты это серьезно?

– Абсолютно.

– Я подумаю, ладно?

– Думай, только недолго. Но учти, я буду счастлив, если ты согласишься.

Бормоча, что стоит человеку после тридцати лет беспробудного труда настроиться на заслуженный отдых, как добрые люди тут же надевают на его шею новое ярмо, профессор достал сигареты.

– А к тебе, Витя, у меня вот какое дело. Ты сегодня ответственным по клинике дежурил?

– Дежурил.

Колдунов раскрыл принесенный с собой журнал. Илья Алексеевич почувствовал, как Витины руки замерли на его спине.

– Тогда расскажи мне, что за люди избили Петра Великого? Как это получилось вообще?

– Не понял?

– Витя, я сам не понял. Вот, изволь, в журнале телефонограмм русским по белому написано: обстоятельства травмы – избили Петра Великого. Подпись твоя?

– А, это! Возле клуба «Петр Великий» подростки подрались. А сестра торопилась и кавычки не поставила.

– Ну слава богу, а я-то думал, у нас где-то поблизости дыра во времени образовалась. Ладно, идем дальше. Ты вызывал вчера окулиста из дому?

– Вызывал.

– Хорошо. И к кому же ты его вызывал? Берем журнал, смотрим. Оказывается, вчера к вам обращался лось с эрозией рогов, и ты зачем-то пригласил к нему окулиста. Хотя, мне кажется, дерматолог был бы более уместен.

Забыв про спину Ильи Алексеевича, Витя схватил журнал.

– Где?! Ой, блин!

– Заметь, снова стоит твоя подпись.

– Ян Александрович, это эрозия роговицы. Сокращенно просто записали. А лось – фамилия больного. Ну совпало так!

Колдунов засмеялся:

– Ладно, расслабься пока. Просто учти, если ты главный по больнице, должен не только лечить больных, но и контролировать всю эту ахинею. Привыкай к новому кругу обязанностей. Особенно когда с этой сестрой дежуришь. Она девушка наглая и ленивая, и, к сожалению, эти пороки не компенсируются у нее могучим интеллектом. Всегда читай, что подписываешь, это первая заповедь начальника. Правильно, Илья?

– Совершенно верно.

Сотников приступил к последней, расслабляющей стадии массажа. Колдунов закурил.

«Если мне удастся залучить его в начмеды, наша больница заткнет за пояс все остальные в городе, – азартно подумал Илья Алексеевич. – А у меня будет заместитель, которому я могу доверять как самому себе. Который скорее подставит собственную шею, чем товарища! Который всегда сможет помочь!»

Неожиданно у Ильи Алексеевича родилась дикая мысль – поделиться с Яном Александровичем бедой, что уже вторую неделю неотступно его терзала. Вдруг он сможет помочь? Ведь пока Илья мучается в одиночку, время уходит, а беда такого свойства, что решать нужно срочно. И так уже они тянут недопустимо долго.

– Ян, мне нужна твоя помощь, – выпалил Илья Алексеевич, пока не передумал.

– Оттащить от тебя этого маньяка?

– Я серьезно. Хочу посоветоваться.

– Давай, говори.

– Это деликатный разговор.

– Ясно. Тогда нам нужно где-то уединиться. Витя, ты долго еще будешь превращать Илью Алексеевича в отбивную?

– Минут десять.

– Тогда я пошел прогонять лекцию. Илья, пусть то, что от тебя останется после массажа, придет в пятую аудиторию. Если сможет, конечно. Там все и обсудим.

– Заодно и про твое новое назначение спокойно поговорим. Соглашайся, Ян, прошу тебя!

– Лишь бы припахать бедного пенсионера!

Колдунов ободряюще потрепал его по плечу и ушел, распевая: «Нам пенсия строить и жить помогает, она как друг нас зовет и ведет, и тот, кто с пенсией по жизни шагает, тот никогда и нигде не пропадет!»

«Он поможет, – подумал Илья Алексеевич страстно. – Хотя бы выслушает, ведь я больше не могу носить в себе этот ужас».

1988 год

Наступила теплая, бесснежная зима. В шестом часу вечера становилось совсем темно, и дома на Петроградской стороне, погружаясь во мрак, становились похожи на таинственные старинные замки. Теперь Жанне часто приходилось

гулять одной – у Ильи началась сессия, и он сутками напролет занимался. Несчастный, серьезный, он сидел на кровати в окружении множества конспектов и учил, зажимая уши ладонями. Илья шел на красный диплом, поэтому на всех экзаменах должен был получать только «отлично». Она забегала к нему всякий день, если только не дежурила в клинике, тихонько варила обед и, расцеловав своего любимого, исчезала, чтобы не мешать зубрежке.

Соединившись, они никак не могли оторваться друг от друга, занимались любовью при каждом удобном случае. Жанне хотелось длинных неспешных ночей, наполненных лаской и нежными разговорами, но она была счастлива даже этими лихорадочными встречами. Когда Илья уходил, Жанна представляла, будто он лежит рядом с ней в постели. Утром, поднимаясь на работу, она почти наяву видела, как он вместе с ней пьет утренний чай. Что бы она ни делала, Жанна все время мысленно разговаривала с ним. «Осталось потерпеть совсем чуть-чуть, и эти мечты сбудутся», – говорила она себе. Ей в голову не приходило, что Илья может и не жениться на ней. «Скорее солнце взойдет на западе, чем мы расстанемся», – думала она с самоуверенностью юности.

Наконец первый экзамен, терапия, остался позади. Зубривший трое суток подряд, без перерыва, Илья был поражен и даже немного уязвлен той легкостью, с которой ему досталось «отлично». Жанна приготовила праздничный обед – жареную курицу, оливье и бутылку сухого вина, – который они съели в перерыве между страстными объятиями.

Приходилось торопиться, в тот день Жанна выходила в ночную смену.

Ночь выдалась хлопотная, как бывало всегда, когда дежурил Линцов – молодой, но уже слегка подсушенный доктор. Всю мощь своего недюжинного ума он обратил на изучение терапии, в остальных сферах жизни оставаясь беспомощным и даже слегка неадекватным. Впрочем, несмотря на мешковатые брюки, жуткие цветные рубашки, которые постеснялся бы надеть иной детсадовец, сильные очки в тяжелой роговой оправе и раннюю лысинку, Линцов был действительно великолепным терапевтом. Бабушки-сердечницы в его смены всегда начинали усиленно болеть, чтобы обратить на себя внимание доктора.

Добросовестный Линцов заставлял Жанну снимать ЭКГ, брать сахар крови, ставить капельницы каждой такой старушке, хотя любой другой врач ограничился бы обезболивающим уколом и рюмкой валокордина.

Жанна давно подозревала, что тронула черствое сердце Линцова. В ее дежурства он подолгу сидел на посту, пил чай, рассказывал глупые анекдоты, над которыми сам и смеялся, и страстно блестел стеклами очков. Он просто не знает, как ко мне подступиться, думала она сочувственно и всегда в обществе Линцова чувствовала себя немного неловко, будто в чем-то была перед ним виновата.

Особенно эта неловкость ощущалась во время ночных дежурств, когда на всем этаже не оставалось других сотрудников, кроме них двоих. Жанна старалась не ложиться спать даже в законное время с двух до шести утра, поскольку боялась, что Линцов начнет приставать. Ведь нет ничего опаснее человека, который долго держал себя в узде и наконец решился.

Отдежурив ночь, словно на пороховой бочке, Жанна вернулась в общежитие и легла спать.

Разбудил ее громкий стук в дверь. Она вскочила, сердце забилось быстро и тревожно.

– Привет, – на пороге стоял Миша, парень из группы Ильи. – Прекрасно выглядишь.

– Привет, – она пригладила волосы и поморгала, чтобы глаза со сна открылись.

– Илья у тебя?

– Нет. А что?

– Да ну его! Они с утра поехали на лыжах покататься, мозги проветрить, а потом мы с ним заниматься договорились. И вот его нету. Я подумал, может, он к тебе пошел?

Жанна покачала головой, чувствуя, как ее охватывает паника. Илья был родом из Мончегорска и встал на лыжи едва ли не раньше, чем научился ходить. Но лыжи лыжами, а успешная сдача экзаменов была для Ильи превыше всего. Почему он не вернулся к назначенному часу?

– Куда они поехали?

– В Токсово. Ну ладно, если он появится, скажи, что я жду.

Миша ушел, а Жанна поняла, что не может просто так сидеть и ждать известий. Тревога за Илью требовала решительных действий. Только каких?

Она оделась потеплее, натянув на себя все свитера, какие были, запихнула в сумку плед и термос с чаем и побежала на электричку.

«Наверняка мы с ним разминемся, – думала она, трясясь в холодном вагоне. – Точно разминемся. Ладно, в Токсово где-нибудь есть телефон, приеду – позвоню на вахту общежития. Отзвонюсь вообще повсюду, и если его нигде нет, пойду в местную милицию».

Электричка, свистнув, покатила дальше, оставив Жанну на пустом перроне. Темнело, зажглись фонари. Недавно выпавший снег сверкал в их свете разноцветными огоньками и весело хрустел под ногами.

Сразу за перроном начинался сумрачный лес, высокие конические ели под снежными шапками еле виднелись на фоне стремительно темнеющего неба. Жанна поежилась от холода. Нужно искать телефон, но она медлила. Сердце подсказывало ей, что Илья – в этом таинственном, мрачном лесу, бредет в темноте, задевая тяжелые еловые лапы, и снег с тихим шелестом осыпается с них. Она несколько раз пробежалась по перрону туда и обратно, помахала руками, чтобы не замерзнуть. Подожду ровно двадцать минут, решила она.

За эти двадцать минут она протоптала широкую дорожку на свежем снегу перрона.

Вдруг Жанна заметила, как от леса отделились две маленькие тени.

Она побежала к ним. Один силуэт – незнакомый, а второй – маленький, быстрый, с лыжами на плече… Конечно, это Илья! Она крикнула, замахала руками. Илья прибавил шагу ей навстречу.

…Всякое случалось в ее жизни, но ни до, ни после она не была счастлива так, как в тот зимний вечер, когда, насквозь промерзшая, бежала навстречу любимому на маленькой железнодорожной станции.

Лыжники слегка одурели от холода, то глупо смеялись, то стучали зубами. Хорошо, быстро подошла электричка в город. Жанна усадила их рядышком, закутала в плед и принялась поить чаем из термоса, жалея, что не сообразила купить по дороге водки. Выпив крепкого сладкого чая, ребята пришли в себя и рассказали, как, увлекшись катанием по неглубокому снегу, заплутали в трех соснах. Кажется, они оказались первыми лыжниками в этом сезоне, накатанной лыжни не было, и они принялись сами ее прокладывать, благо это оказалось нетрудно. Ни тот, ни другой местности не знали, но возвращаться к станции решили почему-то не по собственным следам, а коротким путем, который они якобы вычислили.

– Ты знаешь, м-мох, ок-казывается, р-растет не на северной стороне дерева, а где попало, – пожаловался Илья.

– И муравьи какие-то неформалы, – засмеялся его приятель. – Или у них компас сломался, не знают, где юг.

Проблуждав целый день по лесу, оба не утратили присутствия духа и рассказывали о пережитом как о веселом приключении. За это Жанна еще сильнее полюбила Илью.

Приятель поехал домой, а Илью она повела к себе в общежитие. Соседка по комнате не рассердилась из-за их внепланового вторжения, наоборот, подмигнув Жанне, быстро собралась в гости.

Жанна уложила Илью в постель, накрыла тремя одеялами и шалью, надела на него носки из овечьей шерсти, но Илья продолжал настаивать на том, что ему очень холодно. Пришлось раздеться и лечь рядом. Они обнялись, Жанна принялась растирать ему спину, чувствуя, что любимого до сих пор колотит дрожь.

Он жадно целовал ее, прятал лицо у нее на груди, а Жанна, разгоряченная близостью его тела, вяло отбивалась, говорила, сейчас нельзя, что ему нужен покой, и, если он будет расходовать энергию таким образом, обязательно простудится и заболеет. Илья только смеялся в ответ.

…Потом он сразу заснул, а она встала, чтобы развесить и просушить его вещи. Проходя мимо зеркала, остановилась. В тусклом свете настольной лампы лицо казалось странным, чужим, каким-то постаревшим.

«Я только что забеременела, – вдруг поняла она. – Через девять месяцев у нас с Ильей будет ребенок». Она посмотрела на кровать. Илья закутался в одеяло с головой, наружу торчала только коротко стриженная макушка. Жанна уставилась на эту детскую макушку с новым чувством. «Теперь это не просто мой парень, он – отец моего ребенка». И Жанна вдруг почувствовала к нему острую, необъяснимую ненависть…

Глава 3

После массажа плечо почти перестало болеть, зато ныли все остальные мышцы, но это была бодрящая, приятная боль. Поблагодарив Сотникова и договорившись насчет следующего сеанса, Илья Алексеевич отправился в аудиторию.

Большой полукруглый зал с дощатыми полами и амфитеатром сохранился в неприкосновенности с довоенных времен. Деревянные парты совсем рассохлись, но администрация специально оставляла все как есть, чтобы не убивать безликой офисной мебелью академический дух. За этими партами в разное время слушали лекции многие известные профессора, и сама атмосфера, несомненно, будила в курсантах интерес к учебе. Тяжелые черные портьеры были приспущены, в зале царил полумрак, так что Илья Алексеевич не сразу разглядел Колдунова, устроившегося по-турецки в первом ряду амфитеатра. Профессор щелкал пультом управления проектором и просматривал слайды на экране, подвешенном под самым потолком, над большой старинной доской. Заметив коллегу, он приветливо помахал пультом.

Илья Алексеевич устроился за соседней партой, чинно сложив руки на крышке, будто собирался слушать лекцию.

– Ян, ты можешь посоветовать хорошего гинеколога? – выпалил он, набравшись духу.

– Не вопрос. Сейчас найдем кого-нибудь.

– Мне не кого-нибудь, а очень хорошего, Ян. Для дочки нужно.

– Для Алисы? Сообразим.

Колдунов порылся в портфеле и выудил оттуда пухлую записную книжку, скрепленную резинкой. Сняв ее и послюнив указательный палец, он принялся перебирать разрозненные потрепанные страницы.

– Извини за нескромность, но что у нее? Хотя бы в общих чертах, воспаление или нарушение цикла? Чтоб мне знать, куда лучше ее направить.

– Она здорова, – буркнул Илья Алексеевич.

– Тогда какие проблемы? Справку для профосмотра я сам могу написать.

– Ян, что ты как маленький? Алиса беременна, и мне нужен хороший врач, который сделал бы аборт без последствий. Она ходила в консультацию, но там сказали, что у нее загиб матки и первый аборт может кончиться бесплодием.

Колдунов пожал плечами:

– Правильно сказали. Даже если я сейчас найду тебе лучшего мастера по абортам во Вселенной, он не даст никаких гарантий. Да ты же сам врач, знаешь, чем больше доктор будет стараться, тем хуже у него получится. Пусть рожает.

Илья Алексеевич покачал головой:

– Тебе легко говорить.

– Как сказать, Илья. У меня ведь дочери – ровесницы твоей, и в любую секунду я могу услышать от них аналогичное заявление. Но мы с Катей давно решили – никаких абортов. Пусть рано, пусть учеба горит синим пламенем, пусть денег нет, ничего. Серьезно тебе говорю, дай ей родить. Ну, окончит она институт годом позже, делов-то!

– Если бы все было так просто! – Илья Алексеевич достал сигареты и закурил, решив, что к завтрашнему утру запах табака выветрится из аудитории. – Если бы отец ребенка мог на ней жениться…

– Дай ему по мозгам пару раз, и сможет.

– Нет, Ян, не сможет. Он давно и счастливо женат.

Колдунов сочувственно вздохнул.

– Я тоже думал сначала морду ему бить, – продолжал Илья Алексеевич. – Но что это даст? Скажет мне – лучше надо было дочь воспитывать, и будет прав. Только скандал и лишние унижения. Да она и не говорит мне, кто он такой, бережет негодяя.

Подумав, Ян Александрович захлопнул записную книжку и убрал в портфель.

– Бедняжка, как же так получилось? Вроде разумная девочка.

– Какой смысл теперь это обсуждать? Надо что-то делать.

– А что сделаешь? Теперь она сама должна решать, что ей хуже – внебрачный ребенок или угроза вовсе остаться без детей. Как решит, так и будет. Врача я найду, но риск бесплодия все равно останется. Слушай, а может быть, вам с женой на себя этого ребенка записать? Вы еще не вышли из детородного возраста, никто особо и не удивится.

Колдунов загорелся собственной идеей и принялся убеждать Илью Алексеевича действовать по этому сценарию. У него куча знакомых в родильных домах и женских консультациях, можно будет сразу поставить Алису на учет по документам матери. Когда же Алиса родит, Ян Александрович лично оформит ей

академический отпуск по какому-нибудь заболеванию, так что она сможет спокойно сидеть с ребенком. Ну а когда Алиса найдет себе мужа, ситуация как-нибудь утрясется.

– Уймись, Колдунов. Ты несешь бред.

– Почему это? Прекрасный выход из положения.

– Ты что, мою жену не знаешь?

– А, да. Извини.

– Понимаешь, Ян, мы с Алисой все обсудили. Она не боится стать матерью-одиночкой. Я тоже с радостью стану дедом, меня не конфузит, что я, так сказать, обрету внука, не обретя сына. Всякие там соски, пеленки, бессонные ночи, безденежье – это такие мелочи! Насчет Алисиного образования я совершенно спокоен, можно устроить, что ей даже год терять не придется. Единственное, чего мы боимся, это моя жена. Ян, она Алису изведет, пока та не сделает аборт. А потом всю оставшуюся жизнь будет корить этим абортом. Скажет – я не допущу, чтобы моя дочь родила внебрачного ребенка!

– Так и не допускала бы! – неожиданно зло сказал Колдунов. – Прости, конечно, но если кто действительно виноват в ситуации, так это она. Алиске сколько? Двадцать?

– Девятнадцать.

– Совсем ребенок. Мозгов господь еще не выдал. В этом возрасте мамам приходится за дочек думать, так что твоей жене нужно не выступать, а каяться.

Илья Алексеевич вскочил и принялся расхаживать по аудитории. Старые доски заскрипели под его шагами.

– Ян, Тамаре этого не объяснишь! Боже, я как подумаю, меня оторопь берет. Дочь беременна, хочет рожать. Она ведь хочет этого ребенка, Колдунов! Если бы не хотела, то по-тихому бы избавилась, я бы ничего и не узнал. Она мне все рассказала только с одной целью – вдруг я как-нибудь так придумаю, что

ребенок сможет появиться на свет. Она решается на отчаянный шаг, но не боится ни того, что одной придется поднимать ребенка, ни того, что не сможет выйти замуж, нет. Ей все нипочем. Единственное, что ее реально пугает, – это собственная мамаша. И я тоже хорош. Если бы не жена, сказал бы – рожай и ни о чем не беспокойся, но как подумаю, что она устроит…

– Илья, но ребенок действительно осложнит Алисе жизнь даже без мамашиных скандалов. Ты человек взрослый, должен понимать. Прежде чем оставлять его, нужно хорошенько все взвесить. А Тамара поорет и перестанет. В конце концов, объясни ей ситуацию сам, уговори не ругать Алису слишком сильно. Понятно же, что она попалась не из склонности к разгулу, а по наивности.

Илья Алексеевич фыркнул:

– За двадцать лет совместной жизни мне ни разу не удалось в чем-то убедить жену. Иногда мне кажется, она вообще меня не слушает.

– Почему?

– Так уж получилось. Я женился студентом, без жилья и с одной стипендией. Пришел в семью жены нищим. Я жил под их кровом, ел их хлеб, как-то неловко было качать права в такой ситуации. А потом, когда я стал хорошо зарабатывать, стереотипы уже сложились.

– Понятно, – протянул Колдунов сочувственно. – У меня в первом браке было примерно так же. Поэтому я и женат второй раз.

Помолчали. Колдунов защелкал своим пультом, вызывая на экране то таблицы, то жутковатые фотографии этапов операций. Илья Алексеевич отвернулся. Он плохо переносил вид крови, поэтому и не пошел в свое время на хирургию.

Вдруг вспомнилась теща. Это была высокая сухопарая женщина, которую Илья Алексеевич за все годы, что они жили вместе, ни разу не видел в халате и без легкого макияжа. Всегда прямая удлиненная юбка, элегантная блузка, кожаные туфельки и непременная шаль: зимой – ажурный оренбургский платок, летом – кружево. Первое время он страшно боялся этой внушительной дамы, робел в ее присутствии настолько, что начинал глупо смеяться и отвечать невпопад. Однажды он пришел к Тамаре, тогда еще невесте. Дверь открыла будущая теща.

Смерив его холодным взглядом, она сказала:

– Тамары дома нет, я отправила ее в магазин, чтобы мы с вами могли побеседовать наедине. Прошу вас, проходите.

Она отвела сомлевшего от смущения Илью в кабинет мужа, известного микробиолога. Сев за старинный письменный стол резного дуба, жестом предложила ему кресло напротив. Илья неловко устроился на краешке, мрачно глядя, как Лариса Петровна заправляет папиросой длиннющий мундштук и прикуривает. Ему она тоже предложила сигарету, но Илья отказался. Дымить в обители ученого, по монографиям которого они изучали микробиологию в институте, показалось ему святотатством.

– Итак, молодой человек, вы хотите жениться на моей дочери.

Он кивнул.

– Надеюсь, вы понимаете, что, став мужем Тамары, вы не только получаете законное право спать с приглянувшейся вам девушкой, но и становитесь полноправным членом нашей семьи.

Илья пробормотал, что да, он это понимает. Будущая теща милостиво кивнула и неторопливо затянулась, после чего изящным движением стряхнула пепел со своей сигареты.

– Я долго готовилась к этому разговору, Илья. Он может показаться вам неприятным, возможно, некоторые мои слова обидят вас, но, поверьте, я желаю вам только добра. Дело в том, что семья, в которую вы скоро войдете, имеет весьма благородные корни. Нашим родителям удалось сохранить традиции, принятые в хорошем обществе, и мы с Константином Петровичем воспитывали детей в этих традициях. Не скрою, мы бы хотели породниться с такой же благородной семьей, но наша дочь выбрала вас, и мы должны уважать ее выбор.

Илья покосился на Ларису Петровну. Правильно истолковав его взгляд, она подняла ладонь, как бы защищаясь от справедливых возражений.

– Илья, простите мне этот оборот речи. Я ни в коем случае не хочу умалить достоинств семьи, в которой воспитывались вы. Тамара ввела вас в дом как своего жениха, и я успела составить о вас самое хорошее мнение. Константин Петрович знает вас и лично, и по отзывам других преподавателей, он считает, что ваша репутация не оставляет желать лучшего. Я не знакома с вашими родителями, но им удалось воспитать прекрасного сына, следовательно, они заслуживают всяческого уважения, которое и будет им оказано, как только мы познакомимся. Я могу твердо обещать, что при любых обстоятельствах, как бы ни складывались отношения между вами, Илья, и членами нашей семьи, ваших отца и мать мы будем воспринимать как близких и почитаемых родственников.

– Спасибо. – Илья неловко встал и поклонился, за что был удостоен благожелательной усмешки.

– Вы хороший, порядочный человек, я уверена в этом. Если бы я считала иначе, не затевала бы этого разговора. Но, простите, внушив вам самые благородные принципы и хорошие привычки, ваши родители все же не смогли привить вам манеры, принятые в высшем, не побоюсь этого слова, обществе. Кроме того, я вижу серьезные пробелы в вашем образовании. Я не имею в виду профессиональные знания, речь идет о вашей общей культуре. У вас великолепные задатки и правильные устремления, я вижу, вы хотите развивать свою личность, но сейчас у вас слишком мало пищи для этого развития. Поверьте, Илья, я говорю это только затем, что все это легко можно поправить, и, если вы согласитесь видеть во мне свою наставницу, я помогу вам стать таким же, как мы. А это нужно, если вы хотите войти в нашу семью. Как говорится, с волками жить, по-волчьи выть.

Она улыбнулась, выкинула окурок в пепельницу и принялась тщательно протирать мундштук скрученной промокашкой.

– К сожалению, последние семьдесят лет хорошие манеры и образование не в чести. Напротив, я часто видела, как невежественные люди кичатся своим дурным поведением, гордо заявляя: я крестьянин, не желаю засорять голову всякой ерундой. Как правило, эти крестьяне не вскопали за свою жизнь ни одной грядки. Люди, что называется, от сохи, но, увы, не при сохе. Они, недовольные деревенской жизнью, боясь тяжелого физического труда, бегут в город, где, не желая работать над собой и перенимать правила поведения, принятые среди интеллигентных людей, вспоминают о своих крестьянских корнях. Между тем нет ничего глупее, чем гордиться собственным невежеством и нежеланием

учиться. Вы согласны?

– Согласен, – прошептал Илья.

– Могу ли я рассчитывать, что вы, войдя в нашу семью, постараетесь стать достойным ее членом? Поверьте, требования к вам будут самые нестрогие, а отношение – самое благожелательное. Мы с Константином Петровичем прекрасно понимаем, что многих вещей вы знать не можете, и объяснять их вам будем со всем тактом, на который способны. Мы понимаем, что человек не может усвоить все с первого раза, тем более если он учится в институте так интенсивно, как вы. Понимаем и то, что некоторые наши замечания покажутся вам обидными, ведь мы с вами живые люди. Но все это поправимо, если я увижу ваше искреннее желание совершенствоваться. В конце концов, – Лариса Петровна вдруг хитро улыбнулась, – получить новые сведения и приобрести навыки всегда полезно, кто бы и с какой целью их вам ни преподносил.

Она встала, опираясь ладонями о дубовую столешницу. Илья тоже поднялся.

– Надеюсь, мы с вами поняли друг друга?

Илья Алексеевич любил тещу и искренне переживал, когда она умерла. Он очень уважал эту сдержанную, холодноватую и ответственную женщину и со временем полюбил беседы, которые она вела, чтобы сделать из него настоящего джентльмена. Она, кажется, тоже относилась к нему хорошо. Единственный разговор Ларисы Петровны с дочерью на повышенных тонах случился из-за него. Теща сказала: да как ты не понимаешь, Илья же на землю готов лечь, чтобы вам с Алисой мягко ходить было!

Многие считали, что Тамара очень похожа на мать. Первые годы брака Илья Алексеевич тоже так думал, но потом понял, что сравнивать их – все равно что сравнивать человека с его тенью. Аристократическое достоинство Ларисы Петровны переродилось у жены в высокомерие, активная жизненная позиция – в деспотизм, а принципиальность – в самодурство.

И если теща видела в нем хорошего, положительного молодого человека, чьи манеры просто требуют некоторой шлифовки, то у жены это покровительственное, чуть снисходительное отношение трансформировалось

почему-то в представление о собственном муже как о недотепе и дурачке.

– Все, я закончил, – прервал его воспоминания Колдунов.

С тихим хлопком выключился проектор, изображение на экране погасло, а Илья Алексеевич тяжело вздохнул. Сейчас Колдунов соберется и уйдет, оставив его наедине со своим горем. Как тяжело переживать все одному, зная, что от самого близкого человека на свете, от жены, ты никогда не дождешься помощи и утешения! Идти к дочери и плакать вместе с ней? Сейчас, когда он не может предложить ей сколько-нибудь приемлемый выход из ситуации, от его сочувствия ей будет только хуже.

– Ян, что ты нам все-таки посоветуешь? – робко заговорил он.

– Господь с тобой, как я могу советовать сейчас? Помочь – помогу, что бы вы ни выбрали, но не проси у меня, чтобы я решил судьбу твоей дочери.

– И все-таки, Ян! Как бы ты поступил на моем месте?

– Прежде всего, я приложил бы все усилия, чтобы не оказаться на твоем месте! – Колдунов суеверно поплевал через плечо и постучал согнутым пальцем по краю парты. – Ох, прости, пожалуйста, – спохватился он, – ты хочешь, чтобы я сказал тебе, что думаю на самом деле? Даже если тебе будет обидно это слушать?

– Разумеется.

– Изволь. Как ни крути, но твоя дочка согрешила, и Бог наказал ее за этот грех. Она хорошая девочка и грешила не со зла, а по недомыслию, я в этом уверен. Большой вины ее в этом нет, так уж совпало, что мама ее плохо жизни научила, а какой-то гад воспользовался этим и заморочил ей голову. А Бог в милосердии своем наказал ее сразу, не дожидаясь, пока она погрязнет в пороке. Если бы я врачевал не тела, а души, я бы сказал тебе, что божье наказание нужно смиренно принять, а не пытаться избежать его с помощью еще большего греха – аборта. И тогда это наказание обернется спасением и радостью. Иначе, Илья, ты толкнешь Алису на гибельный путь.

Илья Алексеевич сокрушенно покачал головой. Колдунову хорошо говорить! Между тем даже самый безжалостный дьявол не устраивает для самых закоснелых грешников такого ада, какой устроит Тамара дочери, если та родит внебрачного ребенка.

– Я уж думал развестись, – невпопад сказал он. – Уйти от жены, у меня же есть собственная квартира. Тесть пробил кооператив, но я до копейки сам его оплачивал. Ради этого в Антарктиду мотался, потом в Чечню. Вечно на каких-то платных приемах сидел. Нет, она моя, по справедливости! – воскликнул он жарко, зная, что у жены на этот счет совсем другое мнение. – Перееду, думаю, туда с Алисой, и пусть рожает спокойно. Но Тамара ее в покое не оставит. Просто не отпустит от себя, и все. Да еще в три счета убедит Алису, что со мной вообще нельзя общаться.

– Хорошо, пусть она тогда одна в эту твою квартиру переедет.

Илья Алексеевич покрутил пальцем у виска.

Узнав о беременности Алисы, он и сам сначала хотел ее отселить, но быстро понял, что Тамара не позволит. Зачем ей лишаться такого удовольствия, как третирование беспутной дочери? А уж доводы, чтобы убедить Алису, что она не имеет ни малейшего права жить в той квартире, у жены найдутся.

– Ладно, хватит о моих несчастьях. Ты сам-то что решил? Пойдешь ко мне начмедом?

Колдунов резким движением закрыл молнию сумки, в которую упаковал проектор. Его нужно было сдать в учебную часть.

– Слушай, ты так меня расстроил своими новостями, что я об этом сейчас даже думать не хочу, – признался он. – Я же Алиску много лет знаю, последние два года с ней работал. Хорошая девочка, и на тебе! Надо нам ее из-под удара вывести, только вот не знаю как.

Тепло попрощавшись, мужчины расстались на пороге аудитории. Колдунов помчался сдавать технику, а Илья Алексеевич понуро побрел домой.

Ян сказал, что во всем виновата Тамара – не уследила за дочерью, не привила ей того особенного женского достоинства, которое сделало бы Алису неуязвимой для домогательств. Как он прав, думал Илья Алексеевич, распаляясь. В эту минуту он ненавидел жену сильнее, чем когда-либо раньше. Но, обвиняя ее во всем, что произошло с дочерью, он понимал, что наказание будет нести Алиса.

…Он любил дочь страстно, сильно, той особой горькой родительской любовью, от которой неотделимо чувство страха и чувство вины. Алиса родилась, когда Илья сдавал государственные экзамены. Он был так озабочен своим профессиональным будущим, так стремился получить красный диплом и остаться в аспирантуре, что появление на свет дочери прошло для него почти незаметно. В положенный срок он отвез Тамару в роддом, а через неделю забрал вместе с большим кульком, перетянутым широкой розовой лентой. Отогнув угол одеяла, он увидел круглую нежную щечку, утопающую в старинных кружевах, – теща с гордостью повторяла, что в этих рюшечках доставлено из роддома не одно поколение их семьи. Илья умилился, но не ощутил восторга, который должен испытывать новоиспеченный отец. После рождения Алисы он остался точно таким же, как был, хоть раньше думал, что появление дочери коренным образом его изменит. Нет, он был все тот же Илья, просто теперь по ночам слышал детский плач, а днем развешивал в кухне пеленки и повсюду натыкался на погремушки и бутылочки с молоком. Первый месяц он помогал купать ребенка – ставил ванночку, наполнял ее теплой кипяченой водой и перед началом купания замерял температуру воды специальным градусником. Иногда гулял с Алисой, что не доставляло ему особых хлопот: на свежем воздухе ребенок мгновенно засыпал, и Илья подкатывал коляску к ближайшей скамейке, где устраивался с учебником. Впрочем, все основные хлопоты о ребенке взяла на себя теща. Молодые родители активно делали карьеру – Илья на кафедре неврологии, а Тамара на кафедре микробиологии академии, куда ее устроил отец. Ребенок рос на периферии сознания Ильи Алексеевича: возвращаясь домой до смерти уставшим, он слушал радостные рапорты Ларисы Петровны, что Алиса села, у Алисы прорезался первый зуб, и вот она – представляешь! – сделала первый шаг. Илья восхищался успехами дочери, однако ничуть не жалел, что сам не видел этого первого шага. Он любил дочь, любил смотреть, как она спит с серьезным и сосредоточенно-важным выражением лица, любил ее запах и обожал валяться с ней на диване, чтобы она ползала по нему и теребила за уши. Но вскоре у него находились важные и неотложные дела, и, сдав Алису бабушке, Илья усаживался за статью или за рутинные аспирантские бумаги, ибо работать над ними в клинике у него не было времени.

Тесть с тещей никогда не упрекали его, что он мало занимается ребенком, они, профессиональная домохозяйка и отошедший от дел профессор, были бы рады, если бы родители вообще куда-нибудь испарились, полностью передав малышку на их попечение. Кроме того, тесть одобрял профессиональное рвение Ильи и не понял бы зятя, если бы тот стал больше времени проводить дома. Константин Петрович считал, что настоящий мужчина должен очень много работать, завоевывать для своей семьи высокое социальное положение, а во всем остальном полностью полагаться на жену.

Илья так и делал: Тамара, так же как и теща, была для него непререкаемым авторитетом в области морали, обеих он считал безупречными женами и матерями и не сомневался, что они дадут его дочери самое лучшее воспитание, какое только можно себе представить.

Поэтому он не вникал в подробности, ограничивая свою роль отца мимолетными вечерними ласками или, наоборот, порицаниями, когда жена говорила ему, что это следует сделать.

Он защитил диссертацию – ребенок пошел в садик. Он стал заведующим отделением – Алису отвели в первый класс. Можно сказать, они делали карьеру бок о бок, но собственный профессиональный рост занимал Илью куда больше, чем проблемы дочери.

Еще до рождения ребенка Илье удалось завоевать уважение Тамариных родителей. Они доверяли зятю и, исхитрившись, записали его в жилищный кооператив – Илья был прописан в институтском общежитии. Константин Петрович предлагал помогать с выплатой взносов, но Илья счел это унизительным для себя, и принялся работать не только для души, как большинство медиков и ученых тех лет, но и ради денег. Именно ради денег он устроился в антарктическую экспедицию и уехал на год, особенно не задумываясь о том, что оставляет дома маленькую дочь. Бродя среди льдов, сидя возле печки в своем домике, он под вой пурги сочинял для нее забавные рассказы, а в хорошую погоду фотографировал пингвинов, чтобы показать ей снимки, когда она подрастет, но, по правде говоря, скучал по ней мало.

Когда Алиса училась в третьем классе, умерла Лариса Петровна. Вскоре вслед за ней ушел и тесть. Кооперативная квартира, в которую было вложено столько сил, времени и средств, оказалась как будто и не нужна, зато теперь активно работающим родителям пришлось заботиться о ребенке самим. Илья Алексеевич

решил, что Тамара примет эстафету из рук матери, и продолжал жить в прежнем режиме, ну а Тамара, кажется, решила, что ребенок уже взрослый и сам может о себе заботиться.

Истина, что Тамара является идеальной женой и матерью, еще долго была для Ильи Алексеевича неоспоримой. Он полностью полагался на ее суждения и считал жену высшим авторитетом в вопросах воспитания, впрочем, как же иначе, если она постоянно напоминала ему об этом сама.

Так прошло около года, и снова, по забавному совпадению, стоило Алисе окончить начальную школу, как Илью Алексеевича выдвинули в начмеды. Против ожидания, эта работа оставляла ему больше свободного времени и душевных сил, чем собачья должность заведующего отделением. Пришлось оставить подработки, ведь на руководящих должностях такого уровня совместительство запрещено, слава богу, пай за квартиру был уже выплачен. Научную работу он тоже бросил, не чувствуя к ней вкуса, таким образом, вечерами Илья Алексеевич теперь бывал дома и мог принимать участие в жизни семьи. Не сразу, исподволь, боясь признаться самому себе, что не ошибся, Илья Алексеевич понял, что на самом деле Тамара равнодушна к дочери.

Он убеждал себя, что ошибается, что такие мысли приходят ему в голову только потому, что они с женой давным-давно охладели друг к другу. Убеждал себя, что виноват во всем сам, ведь именно он недостаточно хорош для такой надежной, ответственной и нравственной женщины, какой является его жена.

Отношения между мужем и женой действительно складывались непросто, как в любой, наверное, семье, где оба супруга ведут активную общественную жизнь. Он, работая как проклятый, выезжая в опасные командировки, знал, конечно, что жена – это его надежный тыл, но тыл этот был слишком уж надежным, прямо-таки непробиваемым, как бетонная глыба, и таким же твердым, холодным и колючим. А Илье хотелось чего-нибудь помягче, потеплее…

Хотелось огненных борщей с янтарными каплями сала и белоснежным островком сметаны в центре тарелки, салфеток пирамидкой и пышных пирогов. Хотелось обстоятельных завтраков с собой на работу, чтобы салатик в контейнере и нежный поцелуй на дорожку. Хотелось, чтобы его встречали не хмурыми взглядами или упреками, в лучшем случае рассказами, как она вымоталась на работе, а тем же самым нежным поцелуем, и бежали радостно разогревать ему обед.

Хотелось, в конце концов, быть уверенным в том, что отдавая жене зарплату и говоря – купи на нее то-то и то-то, он получит именно то, что заказывал, а не нечто совсем другое, потому что «так лучше для семьи, и только эгоист может этого не понимать».

Словом, он хотел, чтобы жена обихаживала его, полностью освободив от бытовых проблем, и поддерживала в трудном деле руководства медициной, хотел, чтобы она была хранительницей домашнего очага и его наперсницей. А Тамара тем временем дописывала докторскую диссертацию и в гробу видала все домашнее хозяйство и самого Илью Алексеевича вместе с его проблемами. Нет, она вела дом, но только на том уровне, чтобы никто не смог упрекнуть ее, что она плохая хозяйка. Никто из посторонних. Мнение мужа и дочери по этому поводу ее не интересовало.

Пока была жива теща, все разногласия как-то сглаживались. И борщи, и пироги, и теплое душевное общение, и даже поцелуй на дорожку Илья получал от Ларисы Петровны, а жена, полностью освобожденная от бытовых проблем, была тогда к нему терпимее.

Когда же они осиротели, обстановка в семье накалилась. Илья требовал, а жена поступала, как большинство людей, которым для душевного комфорта необходимо переложить вину на кого-то другого. Отказывая ему, она говорила, что не считает возможным обихаживать мужа не потому, что ей лень, а только лишь потому, что Илья недостоин этих забот. Она не может оставить работу, ведь Илья приносит в дом так мало денег, а вскоре, возможно, будет приносить еще меньше, ведь неизвестно, сколько времени может продержаться в начмедах такое ничтожество, как он (по расчетам жены, это время давно уже вышло). Нельзя исключить, что Илья вовсе бросит ее одну с дочкой ради другой женщины, ведь он беспринципный и сексуально озабоченный. Она может полагаться только на себя и не имеет права рисковать карьерой, на ней ребенок, и она должна быть уверена, что сможет прокормить его в любой ситуации.

Тамара так и работала на кафедре микробиологии, лечебной деятельностью не занималась, и Илья Алексеевич с превосходством клинициста не считал ее труд настолько изматывающим, чтобы у женщины после сидения за микроскопом и чтения лекций недоставало душевных сил ласково встретить мужа с работы. Кроме того, он не понимал, почему, если конец трудового дня по штатному расписанию в шестнадцать часов, а до дому двадцать минут пешего ходу, нужно

приходить в восьмом часу вечера, за несколько минут до него, а то и позже. Писать диссертацию можно и дома, был убежден Илья Алексеевич, ибо сам поступал именно так.

Иногда его мучила бессонница. Он вставал ночью, осторожно прикрывая дверь, выходил на балкон курить, потом пил чай на кухне, пытался заниматься, но в одуревшую без сна голову ничего не лезло. Возвращался в постель и маялся, ворочался, пытаясь уснуть, надеясь, что жена почувствует его беспокойство и проснется. Но за много лет совместной жизни такого ни разу не случилось. Он смотрел, как она спит, аристократически лежа на спине и сложив руки поверх одеяла, и думал, что давно превратился для нее в обузу, в некий бездушный атрибут, который необходимо иметь в хозяйстве и кормить невкусным супом для поддержания реноме достойной семейной женщины. Других применений себе как мужу и отцу Илья Алексеевич в их семейном укладе не находил.

Почему ему много лет казалось, что к дочери Тамара относится иначе? Почему не понимал, что жена родила Алису в первую очередь для того, чтобы иметь полное основание презрительно отзываться о бесплодных женщинах?

Ей нужна была среднестатистическая дочь, чтобы можно было хвастаться коллегам ее успехами, но другой раз и пожаловаться, а как же иначе? Воспитание ребенка – тяжелый труд, и никто не должен думать, что Тамара от него уклоняется. Окружающие должны наблюдать, как она старается во всех сферах жизни, и как жена, и как мать, и как ученый, и видеть достойные результаты этого труда.

Алису жена воспринимала не как человека с собственными желаниями, стремлениями, переживаниями, с собственным будущим, наконец. Это была ее дочь, и покуда Алиса нормально исполняла эту роль, все остальное Тамару не волновало.

Илья Алексеевич понял это внезапно. Как-то Алиса оторвалась от книжки и спросила:

– Мама, что такое такт?

– Это когда ты умеешь не мешать окружающим, – назидательно сказала Тамара. – Например, если ты видишь, что я пришла с работы усталая, не нужно

лезть ко мне с вопросами.

Могла бы привести другой пример! – подумал Илья Алексеевич гневно, и тут же на ум пришло множество мелких житейских ситуаций, доказывающих равнодушие жены.

Когда Алиса сказала, что ее похвалили в школе за активную общественную работу и за то, что она лучше всех убирает класс, жена процедила сквозь зубы: «Раз ты такая трудолюбивая, лучше бы больше помогала мне по хозяйству дома».

Жена действительно требовала от Алисы исполнения множества домашних работ, но вряд ли эти требования были обусловлены естественным желанием матери обучить дочь ведению хозяйства. Распоряжения вынести мусор, сходить в магазин, почистить картошку или погладить белье отдавались в форме приказов, при этом Тамара не тратила времени, чтобы привить дочери полезные навыки. Она приказывала и потом ругала за плохо исполненную работу, а показывать, как нужно делать домашние дела наилучшим образом, не считала нужным.

Один раз Алисе захотелось куклу. Это была действительно достойная кукла, даже на непросвещенный взгляд Ильи Алексеевича. Стоило великолепие дорого, но он решил, что с зарплаты вполне может порадовать дочку. По привычке он отдал зарплату жене, а на следующий день попросил нужную сумму. Тамара отказала, да еще и провела с дочерью длительную беседу, объясняя, что только плохие, эгоистичные девочки могут клянчить у родителей дорогие игрушки. Кроме того, Алиса уже взрослая и должна понимать тяжелое финансовое положение семьи. И вообще, подарки не дарятся просто так, а только на день рождения и на Новый год.

Ему было жаль дочь, жаль и того, что он не доставит ей радости, но, как обычно, Илья Алексеевич решил, что Тамара права. Она получила великолепное воспитание и лучше его знает, что хорошо, а что плохо.

Да, Тамара была в семье абсолютным духовным лидером, и Илья Алексеевич не сомневался в ней до той минуты, когда она разъяснила дочери, что такое такт. Тут он подумал: а почему нормы морали всегда совпадают с собственными интересами жены?

«Ханжа», – с ненавистью подумал он и вдруг понял, насколько одинок и заброшен его ребенок. Вечерами они почти ее не видят, дочь сидит в своей комнате и читает, если не загружена по хозяйству. Она привыкла уже не обращаться к родителям за советом или за помощью с уроками, и тем более с просьбами, зная, что ей не только откажут, но и объяснят, что она думает только о себе.

Тамара никогда не вела с ней задушевных бесед. Алиса привлекала ее внимание, только если совершала какой-нибудь проступок. Тут уж она вцеплялась в дочку, как клещ.

От этого понимания Илье Алексеевичу стало не по себе. Он попробовал говорить с женой, но она была из тех людей, что не воспринимают упреки. Его призывы больше заниматься дочерью вылились в несколько скандалов.

Тогда он стал сам вникать в жизнь дочери. Взял в привычку гулять с ней вечерами, помогал с уроками. Именно ему пришлось рассказывать Алисе об изменениях в ее организме, связанных с взрослением, и о том, как с ними справляться.

Чтобы дочери не приходилось торчать в группе продленного дня, Илья Алексеевич иногда забирал ее к себе на работу, усаживал за свой стол, и Алиса делала за ним уроки, а потом отправлялась помогать врачам. Персонал больницы принял ее приветливо и всегда находил, чем занять ребенка, покуда папа-начмед решает производственные вопросы.

Потихоньку, Илья Алексеевич сам не заметил, как это случилось, Алиса стала для него очень близким, очень родным человеком. Он буквально дышать не мог без нее, тревожился, если несколько часов не имел от нее известий, и возвращался с работы счастливый, зная, что сейчас они вместе поужинают и отправятся на прогулку. Если бы мог, он бы каждый день покупал ей подарки, исполнял бы любые ее желания, но жена жестко его контролировала.

Она заметила, что Илья Алексеевич стал больше внимания уделять дочери, и, вместо того чтобы порадоваться освобождению от тяготивших ее материнских забот, приревновала. А может быть, подумала: они объединяются против нее. И в таком случае сладить с ними будет труднее, чем с каждым по отдельности.

Не придумав ничего лучшего, она стала настраивать Алису против отца. Говорила, что он безответственный глава семьи и недалекий человек. Впрочем, вздыхала Тамара, сейчас других мужчин нет. Все они сидят на хребте у своих жен. И это еще лучшие экземпляры, ведь остальные – просто алкоголики. Илья просил жену не вести с дочерью таких разговоров, хотя бы о мужчинах вообще, если уж она никак не может удержаться от критики по его адресу. Понятно же, если девушка уверена, что все мужчины уроды, то она и выйдет за урода, ведь лучшего варианта все равно не существует. Жена фыркала, и все продолжалось по-прежнему. А Алиса… Горько было это осознавать, но она верила Тамаре и, любя отца всем сердцем, относилась к нему немного снисходительно. Заботливый и близкий, он был для нее гораздо меньшим авторитетом, чем равнодушная мать.

Годам к двенадцати стало понятно, что Алисе не стать красавицей. У нее сформировалось полноватое ширококостное тело, а лицо оказалось почти точной копией простецкой физиономии отца. Но если мужчина с раскосыми узкими глазами, носом-картошкой и тяжелой челюстью может при известных обстоятельствах даже прослыть очаровательным, то женщине это гораздо сложнее. Нужно много сил, умения и средств, чтобы выгодно подать такую внешность.

Глядя на дочь, Илья Алексеевич жестоко страдал и винил себя, что его гены оказались столь сильными и забили аристократическую породу жены. Он мечтал, что дочка вырастет похожей на Тамару, с ее легкой костью и породистым лицом.

Тамара тоже переживала Алисину некрасивость, но по-своему. Она не сочувствовала дочери, не задумывалась, как та будет устраивать личную жизнь. Заурядную внешность Алисы она воспринимала как личное поражение – ведь это она, совершенная во всех отношениях особа, произвела на свет столь непривлекательный организм! Она могла бы научить дочь выглядеть если не красиво, то эффектно, стильно одеть ее, в конце концов, отдать в спорт, где из Алисиной фигуры вылепили бы что-нибудь путное. Вместо этого Тамара занялась привычным делом – поиском виноватого и, разумеется, его нашла. Как всегда, им оказался Илья Алексеевич, точнее, его генетический код. Широкий таз, полные икры и тяжелые щиколотки – все это была «та порода». Не стесняясь напоминать дочери о ее физических несовершенствах, она сокрушалась, как ей не повезло родиться от такого отца. Если Алиса пыталась сидеть на диете, Тамара заявляла – это бесполезно, ты никогда не будешь стройной. Между тем

Илья Алексеевич не был толстым. Да, кость тяжелая, но он всегда выглядел поджарым и подтянутым. И Алиса могла бы стать такой, если бы мать не убедила ее, что это невозможно.

Илья всеми силами пытался помочь дочери, но женщину может воспитать только женщина…

Тамара не учила Алису, как обращаться с мужчинами, не готовила ее к роли матери семейства.

«Вот и допрыгалась, – зло подумал Илья Алексеевич. – Девочке девятнадцать лет, а судьба уже разрушена. Ладно, пусть она целыми днями занята на работе, пусть некогда вести беседы о женском счастье, но если бы у Алисы перед глазами был пример нормальных супружеских отношений, а не то безобразие, что у нас с женой, она десять раз бы подумала, прежде чем отдаваться какому-то женатому козлу». Впрочем, Тамара устраивала ей профилактические скандалы, запрещала ходить на вечеринки, орала, чтобы Алиса ни при каких обстоятельствах не смела ложиться в постель до свадьбы. Но прекрасно же известно: если хочешь, чтобы человек что-то сделал, прикажи ему, чтобы он этого не делал.

Угрозами и запретами не воспитаешь, а у жены в арсенале никаких других методов нет.

Илья Алексеевич притормозил на автобусной остановке и огляделся, не идет ли подходящая маршрутка. За горькими размышлениями он не обращал внимания на погоду, между тем давно уже шел холодный осенний дождь. Вздохнув, Илья Алексеевич устроился под стеклянным козырьком и закурил.

«Упустила дочь, упустила, – зло думал он. – Паршивая эгоистка!»

Он проклинал Тамару всевозможными проклятиями, раздувал в себе ненависть и презрение к ней, заваливая этими злыми мыслями, как мешками с песком, ту очевидную истину, что в несчастье дочери виноват только он сам.

1988 год

Сдав сессию на одни пятерки, Илья собрался в Мончегорск. Он ехал к родителям, а еще планировал посетить турбазу вместе с однокурсниками. На каникулах его ждала насыщенная программа – катание на горных лыжах и, естественно, участие в шумных студенческих вечеринках.

У Жанны не было каникул, но до последней минуты она надеялась, что Илья позовет ее с собой. Если поменяться сменами, дней десять отдыха она смогла бы выкроить. Горные лыжи ее не привлекали, но так хотелось пожить бок о бок с Ильей, познакомиться с его родителями в качестве невесты! Однако Илья ее не звал. Он весело собирал рюкзак, набивая его заботливо выглаженными и починенными Жанной вещами, и говорил, что за две недели она не успеет по нему соскучиться.

Жанна поджимала губы, но Илья не замечал ее обиды.

Ей даже не удалось проводить его на вокзал. В день его отъезда она дежурила, а Илья не сообразил хотя бы на минутку забежать в клинику, находившуюся в пяти минутах ходьбы от общежития.

За время его каникул Жанна убедилась в том, что ждет ребенка. Ее исправно тошнило по утрам, а визит в консультацию развеял последние сомнения. Любезная пожилая докторша, узнав, что Жанна собирается родить, стала еще любезнее и пропела целый гимн ее великолепному здоровью. Не откладывая дела в долгий ящик, докторша завела обменную карту и отпустила Жанну, пожелав ей как можно скорее зарегистрировать брак с отцом ребенка.

Сердце Жанны пело, счастье скорого материнства полностью излечило обиду на Илью, и она считала каждый день до того момента, когда она сможет обрадовать его прекрасной новостью. В том, что он обрадуется, у нее не было ни малейших сомнений.

Житейская проза ее мало волновала. Как-нибудь устроимся, думала она с безмятежностью юности. Или нам дадут комнату, или снимем сами. У меня зарплата, у него повышенная стипендия, а когда я уйду в декрет, Илья устроится на работу – фельдшером на «Скорую», например, туда охотно берут студентов. Жанна никогда не понимала людей, которые из финансовых соображений откладывают рождение ребенка. Она твердо была уверена, что от нищеты и голода не скончалась еще ни одна молодая семья. Любую проблему

можно решить, только для того, чтобы решить, надо сначала ее создать…

Мы с Ильей создали, гордо думала она, снисходительно поглядывая на подружек. В те дни она чувствовала себя носительницей великой тайны жизни, и все на свете было ей по плечу. И не было на земле человека счастливее…

Илья попросил ее не приезжать на вокзал – поезд приходит поздно, метро закроется, и каждое место в такси будет на счету. Не говоря уж о том, что ехать среди ночи по городу девушке одной опасно. Жанна согласилась, но не спала всю ночь, надеясь, что Илья как-нибудь прорвется к ней в общежитие, невзирая на суровую комендантшу. Однако он не пришел, не было его и утром. Жанна отработала смену, вздрагивая от каждого звука шагов, каждого стука дверей: теперь она надеялась, что Илья придет в клинику. Но он все не приходил… «Устал с дороги, спит, разбирает вещи», – придумывала Жанна всевозможные оправдания для возлюбленного.

Наконец, измучившись в неизвестности, она собралась к нему сама.

Илья был дома один, он только что вернулся с занятий.

– Привет, – Жанна удивилась, почему он не обнимает и не целует ее с порога.

– Привет.

Сердце сжалось от холодного, равнодушного тона Ильи, но Жанна быстро ободрила себя мыслью, что носит под сердцем его ребенка. Илье просто некуда от нее деться, даже если вдруг он и охладел к ней за время каникул!

– А у меня для тебя сюрприз, – улыбнулась она и села на край его кровати, сдвинув разбросанную по ней лыжную одежду.

– Какой? – Илья так переменился в лице, что сразу стало ясно – он прекрасно понял, какой.

Жанна проводила много времени среди женщин, большинство медсестер были старше и опытнее ее, и из долгих бесед за жизнь она почерпнула, что мужчины

никогда не бывают рады в первую секунду, когда узнают о ребенке. Но потом они покоряются неизбежному и становятся прекрасными отцами, тут главное – не давить и не запугивать.

– У нас будет ребенок, Илья, – спокойно сообщила она.

– Ты хочешь сказать, что ты беременна?

– Ну да.

– Господи!

Нет, не такой она видела в своих мечтах реакцию Ильи, совсем не такой. Почему он прячет глаза, почему бледнеет, почему у него задрожали руки?

– Жанна, но мы никак не можем сейчас родить ребенка, – сказал он наконец. – Просто никак. Это невозможно! Послушай, родители дали мне денег, думаю, их должно хватить на аборт в хорошем месте. Я найду, где сделают под наркозом и без последствий. Не волнуйся, я все устрою.

– Не надо ничего устраивать. Я буду рожать. Уже встала на учет в консультации, вот, смотри, – она достала из сумочки обменную карту и помахала перед Ильей.

Тот взглянул на безобидную тетрадку так, словно это был топор, которым ему через минуту должны отрубить голову.

– Ты соображаешь, что говоришь? Какой ребенок? Нам негде жить, денег в ближайшее время не предвидится. Это безответственно и глупо, Жанна, рожать сейчас.

– Только не надо переходить на тон доброго дядюшки! – рявкнула она. – Когда ты уложил меня в постель, ты не говорил мне почему-то, что это безответственно и глупо. Или ты не знал, откуда берутся дети?

– А ты зачем легла со мной, тоже не знала? Ладно, прости. Я виноват, Жанна, не спорю. Знаю, у тебя никого до меня не было, но разве это повод калечить сейчас всю нашу жизнь?

– Да почему же калечить? Нормально все будет! Угол нам какой-нибудь дадут, и прокормимся. Что ты в самом деле, Илья? Бабушка мне всегда говорила – никогда не было, чтоб никак не было, а всегда было, чтобы как-нибудь да было. Не бойся ничего, нам с тобой все по силам.

– Твой пофигизм меня просто поражает, – вздохнул Илья.

Жанна тоже вздохнула. Насколько бесшабашными и напористыми бывают парни, когда им надо уложить девушку в постель, настолько же мудрыми и рассудительными они становятся, когда приходит пора расхлебывать неизбежные последствия. Это он должен говорить ей: «ничего не бойся!», причем именно сейчас, а не тогда, в Ольгиной комнате, когда они впервые были вместе.

– Это не пофигизм, Илья, а любовь, – сказала она строго. – Я люблю тебя и верю в тебя, поэтому знаю, что все у нас будет хорошо. Да, первое время нам будет тяжело, но мы будем так счастливы, что даже не заметим трудностей.

– Ты говоришь так, потому что боишься аборта, и тебе не терпится стать замужней женщиной. А что ты скажешь, когда нам нечем будет накормить этого ребенка и не на что купить ему пеленок? Ты первая проклянешь меня.

– Господи, да почему не на что?

– Потому что ты не сможешь работать как минимум год! А я не смогу на свою стипендию, пусть даже повышенную, кормить троих человек, мне одному-то едва хватает. Родители не в состоянии регулярно присылать мне деньги, твои, как я понимаю, тоже. Пусть нам даже повезет и руководство института выделит комнату…

– Но ты сможешь работать и учиться, многие так делают! У нас в отделении три медсестры-студентки. Ночами дежурят, днем ходят на занятия, ничего, не облезли. Я тоже не буду сидеть без дела, частными уколами всегда заработаю. Знаешь, сколько стоит на дому капельницу поставить?

– Интересная ты какая! Говоришь, что меня любишь, а сама даже не берешь в расчет мои планы! Почему я должен наплевать на свою карьеру и идти

работать? Между прочим, я не лентяй, я и сейчас много работаю, но я работаю на свое будущее, и денег за это не получаю. Хорошо, допустим, я пойду медбратом. Но тогда я не буду успевать заниматься на кафедре и не смогу сдавать все экзамены на «отлично». В результате аспирантура, которой я добивался все годы учебы, полетит ко всем чертям. Впрочем, она и так туда летит, даже если я исхитрюсь и получу красный диплом, совмещая работу и учебу. На аспирантскую стипендию семью не прокормишь, и мне придется устраиваться участковым врачом. Почему я должен отказываться от будущего ради того, чтоб ты сейчас родила ребенка?

Жанна задумалась. Какая-то брешь в логике Ильи, безусловно, присутствовала, но Жанна была слишком молода и не искушена в спорах, чтобы нащупать ее и ударить.

«Сможем мы осилить и аспирантуру, и ребенка – было бы желание! Только желания, – камнем упала на сердце мысль, – только желания у Ильи как раз и нет…»

– Ты мне ничего не должен, – глухо сказала она, еле сдерживаясь, чтобы не зареветь в голос. – Я сказала тебе, как обстоят дела, и теперь ты сам должен выбрать, что тебе важнее. Заставить тебя я не могу.

Илья помолчал. Какую-то минуту он смотрел на нее так, что Жанна воспрянула духом. Сейчас он скажет: «Рожай!», они сегодня же отправятся в загс, а потом вместе посмеются над минутой его малодушия…

Он встал и потянул к себе полуразобранный рюкзак. Долго рылся в нем.

– Вот, возьми. Здесь деньги, все, что у меня сейчас есть. Сходи к нам на кафедру гинекологии, там хорошие врачи, сделают все, как нужно. Если вдруг этого не хватит, скажи, я найду еще денег.

– Илья, я не хочу делать аборт!

– А я не хочу пускать свою жизнь под откос! – жестко заявил он. – Слишком много сил я вложил в учебу, чтобы сейчас от всего отказаться! Жанна, не упрямься! Утром сходишь, а вечером уже будешь считать, как будто ничего не было.

– Илья, пожалуйста! Подумай еще немного! Давай отложим решение до завтра! Тебе просто нужно время, чтобы понять! В конце концов, все женятся и рожают детей, чем мы с тобой хуже? И с аспирантурой твоей как-нибудь вывернемся!

– Не вывернемся. А все, как ты говоришь, женятся и рожают тогда, когда могут себе это позволить. Во всяком случае, здравомыслящие люди, а не безответственные придурки. Когда у меня будет ребенок, я должен знать, что ему не придется голодать.

– Илья, что значит – когда будет? Он уже есть!

Он взял ее за плечи и посмотрел ей в глаза с такой ненавистью, что Жанне стало страшно:

– Его еще нет! И не будет! Ты поняла? Не сходи с ума, бери деньги и избавляйся от ребенка, пока не поздно.

Она мягко высвободилась из его таких холодных, таких враждебных рук. Еще недавно они нежно ласкали ее, а теперь держат так, словно хотят раздавить, уничтожить.

– А ты подумал, как мы с тобой будем жить после этого? Разве я смогу тебе простить, что убила нашего ребенка? А ты сможешь мне это простить?

– Ну, раз уж ты сама об этом заговорила… Жанна, нам действительно лучше разойтись. Ты хорошая, добрая девушка, но мы не подходим друг другу. Не говоря о том, что у нас нет перспектив, мы очень разные люди. Для счастья тебе нужен другой мужчина, поверь! Сейчас ты не понимаешь, как это можно – избавиться от ребенка ради научной карьеры, потом не поймешь, если я буду мало зарабатывать, а я буду, Жанна. Труд врача плохо оплачивается в нашей стране, но заниматься медициной – это смысл моей жизни, если хочешь знать! Тебе нужен мужчина-добытчик, работяга, с которым ты будешь рожать детей и покупать ковры и серванты. И ты быстро найдешь такого.

– Илья, мне никто не нужен, кроме тебя! Разве ты этого не видишь?

– Я вижу, что ты честная и верная женщина. Только для тебя самой лучше быть верной кому-то другому, не мне. И не надо так смотреть на меня, я никогда не обещал на тебе жениться.

Мир, который Жанна вообразила себе во всех деталях, в котором уже успела обжиться, рушился и исчезал в черном болоте безысходности. Она-то думала, он просто не хочет ребенка, а он вообще не хочет жить с ней! И она давно могла бы это понять, если бы не была так уверена в нем и в самой себе. От любимой женщины не едут развлекаться на каникулах, а если уж едут, то бегут к ней сразу, как только вернутся. Если бы она не летала десять дней на крыльях счастья, сейчас было бы не так больно падать и разбиваться.

Она стиснула зубы, сжала кулаки, больно вонзив ногти в ладони. Все кончено. Осталось потерпеть несколько минут, собрать все силы, чтобы не разреветься, чтобы не унижаться перед ним. Пройти несколько шагов до двери, потом спуститься по лестнице и по институтскому двору вернуться к себе, пусть каждый шаг дается со страшной болью, как андерсеновской русалочке. Кажется, я и онемела, как она, подумала Жанна.

Она открыла дверь в коридор. Илья протянул ей деньги, она отмахнулась, но он настаивал, и Жанна позволила положить их себе в карман. Сейчас она готова была на все, лишь бы поскорее оказаться в своей комнате, где можно лечь в постель и заплакать. Плакать и плакать, понимая, что слезы абсолютно ничего не изменят, не вернут ей счастливого будущего, которое она так тщательно распланировала и которое исчезло от нескольких слов Ильи, но все равно – плакать…

Она пролежала в постели два дня, и все это время не умывалась и не ела. Потом соседка подняла ее на работу. Жанне это показалось немного смешным: потеряв все, что было для нее важным, она должна идти на дежурство, в точности как в те времена, когда она была счастливой, полной надежд девушкой. Надо же, все пропало, а работа осталась…

Она приняла душ (девчонки из уважения к ее трагедии пропустили Жанну без очереди), выпила чаю и, чувствуя, что от голода кружится голова, заставила себя проглотить два куска булки с маслом.

Одеваясь, она с удивлением обнаружила в куртке несколько купюр и не сразу вспомнила, что это деньги, которые Илья дал на аборт. Господи, нужно еще пройти и через этот ад!

А кто заставляет тебя проходить через него? – вдруг раздался в голове спокойный, даже насмешливый голос. – Илья больше тебе не указ, ты сама можешь решать судьбу ребенка. Хочешь – рожай, никто не может тебе это запретить!

Жанна невольно ухмыльнулась. Все два дня, что она пролежала лицом к стене, судьба ребенка была ей ясна. Раз не будет Ильи, значит, ничего не будет! Ее жизнь – выжженная пустыня, жалкие обломки, остаток дней ей суждено провести в страданиях и тоске по утраченному счастью. А теперь вот оказывается, у нее есть работа… Работа, которую она любит и которую делает хорошо. Так может быть, и ребенок пусть будет? Пусть из ее будущего исчезнет только Илья, а все остальное пусть останется? Если она ничего не боялась рядом с Ильей, с таким ненадежным и изменчивым спутником, почему она должна бояться одна? Наоборот, одна она может не опасаться предательства, а ничего страшнее предательства нет, это еще ее великая тезка Жанна д’Арк говорила.

Она посмотрелась в зеркало. Несмотря на два дня лицом в подушку, вид был достаточно приличным. Только вот прическа… Несколькими взмахами щетки Жанна придала волосам пышность. Ну что ж… Предательство она пережила, не облезла. И со всем остальным как-нибудь справится.

Первые годы брака Илья Алексеевич не вспоминал о Жанне, хорошенькой сестричке, с которой приятно провел несколько месяцев и которую бросил ради Тамары. О том, что оставил ее в интересном положении, он и вовсе не думал. Он дал ей достаточно денег на аборт, разумеется, она пошла и сделала. В наше время фатальные осложнения после этой безобидной манипуляции случаются так же редко, как чума или оспа. Он был уверен, что Жанна быстро утешилась – такой красивой, работящей и молодой девушке не составило труда найти хорошего мужа. Дело житейское, все его приятели встречались с девушками, а потом женились на других.

Тамара нравилась ему с первого курса. Строгая, подтянутая, она была совсем другой, чем раскованные девицы, окружавшие Илью. Дело было не только в ее

легкой фигурке и аристократически красивом лице, и не в том сдержанном стиле, с которым она одевалась, и не в безупречности ее манер. При взгляде на нее Илье казалось, будто она – существо из другого мира, мира гораздо более правильного и счастливого, чем тот, в котором живет он сам, и что без Тамары он никогда не познает этот совершенный, чарующий мир.

Но Тамара игнорировала его робкие ухаживания. Илья терпел отказы и млел – даже отшить парня она умела иначе, чем другие девчонки. Он не терял надежды, хотя Тамара держалась замкнуто, никогда не ходила на вечеринки, и радостный вопль: «Родители на даче!!!» – был для нее абсолютно пустым звуком. Илья подсаживался к ней в читальном зале, провожал до дома, старался оказаться рядом на лекции или лабораторной работе. Экзамены он по традиции ходил сдавать первым, но всегда дожидался, пока ответит Тамара, чтобы поздравить ее с хорошей оценкой.

С течением времени он превратился в кого-то вроде пажа при королеве, которому дозволяется нести за ней шлейф и бегать по мелким поручениям, но обожание которого никогда не примут всерьез и, разумеется, ни при каких обстоятельствах не допустят к телу.

Когда Илья стал тяготиться этой ролью, сошелся с Жанной. В ее глазах он читал уважение, восхищение – то, чего никогда не видел в глазах Тамары. Жанна была очень привлекательной и хорошей девушкой, Илье, как любому молодому мужчине, хотелось секса, а случайные связи с сокурсницами оставляли в душе неприятный осадок. Строго говоря, он никогда не был влюблен в Жанну. Но было приятно показать Тамаре, что он – полноценный мужчина, в которого могут влюбляться девушки. Поэтому он не скрывал своей связи.

В объятиях Жанны он примирился с тем, что Тамара никогда не будет с ним. А иногда ему бывало с Жанной так хорошо, что он не вспоминал о своей неприступной возлюбленной и подумывал – а почему бы в самом деле не жениться? Верная, надежная, веселая, не предаст – что еще нужно?

Когда Илья с другом заблудились в лесу, обоим показалось, что живыми они не выйдут. Кровь стыла, ступни деревенели, а головы начинали отказывать своим владельцам. Наступила эйфория, парни глупо хихикали, одновременно им ужасно хотелось спать, хотя оба понимали, что это – начало конца. Сколько смогут они пройти, веселясь, прежде чем упадут в снег и замерзнут? В эти минуты Илья сам не понимал, о ком думает, о Тамаре или о Жанне. А когда

увидел ее на перроне, прыгающую и размахивающую руками от холода, решил – это судьба. Она побежала ему навстречу, а он не мог идти быстрее, ноги уже не слушались. Да и не хотел он торопиться, желая продлить лучшую минуту своей жизни…

А потом Тамара пригласила его к себе домой готовиться к экзамену. Они вдвоем сидели за письменным столом, под неярким светом зеленой настольной лампы, склоняя головы над учебником. Тамара приносила чай в тонких стаканах и серебряных подстаканниках, Илья смотрел, как ловкими скупыми движениями она стелет салфетку в углу стола, расставляет на ней сахар и варенье, а потом садится и сосредоточенно листает конспект, шевеля губами. За окном мела метель, кружились и поблескивали в темноте снежинки, стекла дрожали, когда мимо проходил трамвай, а в полумраке комнаты еле виднелась на стене Тамарина тень… Илья бросал в дымящийся стакан кубики рафинада, аккуратно, стараясь не звенеть, вращал ложечкой, а потом отставлял чай, делая вид, что забыл о нем в пылу занятий. Он боялся, что не сможет пить чай совершенно бесшумно.

Было так чудесно, словно в сказке. Он стоял на пороге совершенного мира, стоял и гадал, позволят ли ему войти.

Им хорошо было заниматься вдвоем. Илья многое знал, а Тамара умела его знания систематизировать и преподносить не в виде набора фактов, а в виде логической цепочки. Благодаря этому Илья вспоминал даже тот материал, о котором давно забыл. Кроме того, у Тамары были все конспекты, Илья же, занятый на кафедре неврологии, некоторые лекции пропускал. А ведь преподаватели очень ревниво относятся к посещению своих лекций и зачастую вставляют в них специальные маячки, по которым легко можно проверить, присутствовал студент или нет.

В один из вечеров Илью пригласили к семейному ужину. Он был очарован атмосферой спокойной, чуть холодноватой доброжелательности, царившей за столом, и весь вспотел, пока резал мясо. Тамарин отец вел с ним светскую беседу, не забыв упомянуть, как Илья хорошо сдал экзамен по микробиологии полтора года назад. А Илья не смог сдержать улыбки, ибо на том экзамене стал свидетелем нервного срыва невозмутимого профессора.

Сокурснику Ильи попался вопрос про актиномицеты – загадочные микроорганизмы, про которые студентам было известно только то, что это не

грибы, хоть внешне и похожи. Остальные несколько строчек в учебнике были написаны невнятно, лекции про них не было, а на практических занятиях студентам вскользь показали картинки клинических проявлений актиномикоза.

Сокурсник бодро ответил на первый вопрос, Константин Петрович кивнул и предложил переходить ко второму.

– Актиномицеты – это не грибы, – вдохновенно начал сокурсник и замолчал.

– Хорошо. Дальше.

– Актиномицеты, – повторил студент с нажимом, – это не грибы.

– Я понял. Так что такое актиномицеты?

Но парня, видимо, заклинило.

– Это не грибы, – сказал он спокойно.

Профессор обхватил голову ладонями и застонал.

– Да, верно. Актиномицеты – это не грибы. Это – самолеты! – Он по-мефистофельски расхохотался и покинул аудиторию.

А когда вернулся, поставил парню отлично и вызвал следующего.

Узнав, что Илья родом из Мончегорска, Константин Петрович похвалил тамошнюю лыжную базу, а Илья как-то незаметно для себя пригласил на эту базу Тамару и, чтобы соблюсти приличия, других ребят из группы. В три дня вопрос был решен, профессор устроил путевки дочери и еще четверым студентам, благо стоили они недорого.

Илья с Тамарой вернулись с севера официальными женихом и невестой. Никакой интимной близости Тамара не позволяла, но Илья был счастлив уже тем, что может целовать ее и говорить всем, что она – его девушка. В те дни он совсем не

думал о Жанне, считая их разрыв делом решенным. Он просто перестанет ходить к ней, и Жанна сама поймет, что между ними все кончено. Он был уверен, что она не станет ему навязываться. И вдруг – привет, я жду ребенка!

Беременность Жанны он воспринял как некое болезненное, неправильное состояние, которое может помешать его счастью и которое поэтому нужно прекратить как можно скорее. Конечно, ему было жаль несчастную оставляемую девушку, но…

Илья трепетно относился к брачным узам. Он хотел, чтобы женитьба сделала его лучше, чем он есть. Соединившись с Жанной, он получил бы только то, что у него уже было и так, а союз с Тамарой открывал двери в чудесный мир благородства и аристократизма, мир, к которому он всегда стремился и в который только Тамара могла его ввести.

Но чтобы войти в этот благородный мир, чтобы стать лучше и честнее, нужно было совершить первую и, как надеялся Илья Алексеевич, последнюю подлость в жизни.

Приняв решение, он забыл о Жанне и долгие годы жил, будто ничего не было, будто он и не бросал беременную девушку. Но потом она стала напоминать о себе. Сначала растущим непокоем, а затем жгучим, неистребимым чувством вины и сожаления. Он не тосковал об утраченной любви, ему просто было стыдно за свой поступок. Илья Алексеевич мечтал встретить Жанну и узнать: в ее жизни все хорошо, она давно его простила и даже рада, что они тогда не поженились. С годами это желание стало навязчивой потребностью, он наводил справки, но безуспешно. Уволившись из клиники вскоре после их разрыва, Жанна словно испарилась. Зачем она уволилась, думал он с досадой. Неужели так противно было меня видеть? Но ведь мы бы встречались очень редко, просто я бы знал, что с ней все в порядке, и не мучился бы.

Илья подозревал, что судьба его накажет, но не думал, что расплачиваться придется не ему, а его дочери.

Зачем, Господи? Накажи меня, сделай мне что-нибудь ужасное, но не трогай моего ребенка! Или ты знаешь, что нет для человека наказания страшнее, чем видеть, как страдают его дети?

Глава 4

Колдунов влетел в кабинет за пять минут до конца рабочего дня. Упав на стул, он шумно отдышался и без разрешения схватил бутылку минеральной воды.

– Ух, я думал, не застану тебя! Опоздал на час, да? Ну ты уж прости негодяя!

– Ничего, я не тороплюсь.

– Слушай, я всю ночь не спал, думал, как тебе помочь. И придумал!

– Ну? – Илья Алексеевич нервно достал из кармана сигареты.

Колдунов выдержал эффектную паузу. Закурил, неторопливо выдохнул дым и только после этого сказал:

– Нам нужен Анциферов.

Илья Алексеевич разочарованно опустился на стул.

– Ян, он же психиатр, а не гинеколог…

– Он нужен нам не как врач, а как мужчина, балда! Я все продумал! Суперплан, ни малейшего изъяна!

– У Яна без изъяна, – буркнул Илья Алексеевич, понимая, что Колдунов сейчас порадует его очередной глупостью.

– Вот именно! Короче, Ванька женится на твоей дочке и записывает на себя ребенка. Ты селишь молодоженов в своей квартире, как уж они там будут спать, вместе или по раздельности, нас не касается. Главное, чтобы твоя жена думала, что у них настоящая семья. Потом ты помогаешь ему трудоустроиться после аспирантуры, встать на ноги, а годика через полтора они разводятся. Не сошлись характерами, бывает. И для твоей жены главным злодеем будет Ванька, а Алиса, наоборот, несчастной жертвой. Ванька будет далеко, гнобить его она не

сможет, а дочку вроде как не за что. Все довольны. Вуаля!

– Такое вуаля, что дальше ехать некуда, – согласился Илья Алексеевич. – Тебя послушать, так это тебе нужен Анциферов, причем не как мужчина, а как врач.

Вздохнув, он достал из шкафа бутылку вина и два узких бокала, похожих на лабораторные пробирки. Колдунов предлагает полнейшую чушь, но он старался помочь, и за это Илья Алексеевич был ему благодарен.

– Да ты вникни в идею! От моего плана выигрывают все! Ты получаешь спокойствие в семье, Алиска – статус замужней дамы, а не матери-одиночки, а Ванька вообще в гигантском плюсе! Ты знаешь, где он живет? В комнате на троих в общаге! И с трудоустройством у него проблемы будут – последний год аспирантуры, а диссертацию он еще не написал. Он пашет на трех работах, родителям деньги отсылает, когда ему писать? Впрочем, он бы и наваял что-нибудь, но научный руководитель совершенно ему не помогает. И тему дал такую, что по ней достойного материала сто лет не собрать. Ты же знаешь этих психиатров, они все сумасшедшие! Научно доказано, что у них минус два процента интеллекта за каждый год работы.

– Иван, значит, тоже этому подвержен?

Колдунов рассмеялся:

– Ну, его интеллект исходно такая ничтожно малая величина, что отколупнуть от нее два процента – это уже нанотехнология. Серьезно, Илья, у тебя везде связи! Что, ты не организуешь звонок на кафедру, чтобы Ваньке помогли к сроку защититься? Места хорошего ему, что ли, не найдешь?

Илья Алексеевич покачал головой. Найти хорошее место для молодого специалиста он действительно мог за пять минут.

– Иначе, – продолжал Ян Александрович, – Ванька загремит полковым врачом в какую-нибудь дыру без всяких шансов на карьеру. Вызови его на беседу, предложи сделку. Видимость брака в обмен на успешное продвижение по службе и год жизни в человеческих условиях.

– А что, у него нет женщины?

– Нет. После Зоиной смерти он так и не отошел.

Мужчины помолчали.

– Но то, что ты предлагаешь, это какое-то средневековье, – сказал Илья Алексеевич после паузы. – Да и как я ему скажу? Он мало того что откажется, так еще всем потом разболтает, что Алиса нагуляла ребенка неизвестно от кого.

– Трепаться он не станет, это точно. А если откажется… В таком случае мы ничем ему не обязаны. И помогать тоже не должны. Одно дело – он твой зять, а другое – просто хороший парень. Хороших парней знаешь сколько?

– Ян, а ты бы на его месте согласился? Я бы – нет. Сказал бы – ага, сейчас вы меня на работу устроите, а потом я всю жизнь алименты плати? Что я, дурак?

– Думаю, честного слова, что вы с Алисой не потребуете алиментов, для него будет достаточно. Илья, он же с ней хорошо знаком.

– Это меня и пугает. Буду я еще рассказывать о личной жизни дочери всем ее знакомым!

– Как знаешь. А мне моя идея нравится. Поговори с ним, ты же ничем не рискуешь. Я почти на сто процентов уверен, что Ванька согласится. Поживут самостоятельно, а там, глядишь, и расходиться не захотят.

– Все, Колдунов, проехали. Давай лучше о твоем трудоустройстве поговорим.

Переодевшись в домашнее, Илья Алексеевич зашел в комнату дочери. Алиса лежала на диване под пледом, отдыхала после дежурства и следующего за ним учебного дня. Она мечтала стать анестезиологом-реаниматологом и с первого курса подрабатывала в отделении реанимации: сначала – санитаркой, потом – сестрой. Подработка приносила не слишком много денег, но зато Алиса перенимала у докторов секреты мастерства и сейчас, к четвертому курсу, умела ставить подключичные катетеры, интубировать трахею и могла самостоятельно

провести наркоз под присмотром опытного врача. «Может же одновременно учиться и работать, – вдруг зло подумал Илья Алексеевич, – и я бы смог, не облез бы, как Жанна говорила. А я испугался. Но я ведь и не думал тогда о том, что Жанна такая же нищая, как я, а у Тамары квартира и папа-профессор! Я сделал подлость не из корыстных побуждений, просто мне казалось, раз я люблю Тамару, то материальная часть не имеет значения».

Он осторожно погладил Алису по плечу:

– Как ты?

– Нормально, папа.

– Ты ничего еще не сделала? – спросил он осторожно.

У них была договоренность, что если Алиса все же решится на аборт, то предоставит ему устраивать эту операцию. Но девочка могла не выдержать напряжения и, не видя от отца поддержки, обратиться в первую попавшуюся контору.

– Нет. Ты же знаешь, я не хочу это делать.

– Не хочешь – не делай. Как-нибудь выкрутимся.

Произнося эти ободряющие слова, Илья Алексеевич понятия не имел, как именно они выкрутятся. Выхода из ситуации, кроме убийства жены, он не видел. Не принимать же всерьез бредовые идеи Колдунова!

– А ты не говорил с мамой?

«Наверное, пора, – трусливо подумал Илья Алексеевич. – Вдруг она поймет, женщина же она, в конце концов, и все окажется не так страшно. Скажет: ладно, пусть рожает, и всем нашим терзаниям придет конец. Сколько можно сидеть на горячей сковородке, в самом деле!»

– Ты хочешь, чтобы я ей сказал? – спросил он и поразился глупости своего вопроса.

– Если тебе не трудно. Может быть, завтра? Я как раз буду дежурить, а к моему возвращению домой мама успеет немного успокоиться. На тебя она сильно орать не сможет, ты же ни в чем не виноват, просто выпустит пар, и все. Но если ты не хочешь, я сама скажу.

– Нет-нет, не волнуйся, я с ней поговорю.

– Спасибо, папа.

Илья Алексеевич вышел на балкон с сигаретой. Итак, у него есть сутки, чтобы подготовиться к разговору. Нужно выдержать шквал проклятий и упреков и убедить жену не слишком мучить оступившуюся дочь. Сложная задача, если учесть, что за все годы брака ему ни разу не удалось настоять на своем.

В крайнем случае, припугну разводом, – решил Илья Алексеевич. – Она не расстроится, если я уйду, и не будет по мне скучать, но выступать в амплуа брошенной женщины не захочет. С другой стороны, она ведь знает, что я не уйду…

Весь вечер он провел на балконе и на кухне – лишь бы не видеться с Тамарой.

– Чайник горячий? – спросила она.

Погруженный в горькие размышления, он вздрогнул от этого невинного вопроса.

– Да, только что вскипел. Приготовить тебе кофе?

– Пожалуйста.

При их натянутых, если не сказать плохих, отношениях, Тамара всегда соблюдала светские формальности.

Илья Алексеевич заварил кофе, надеясь, что жена уйдет с чашкой к своему компьютеру, но вместо этого Тамара устроилась за столом напротив него.

– Представляешь, мне сегодня звонила Мариша.

– А… – Проблемы Тамариной двоюродной сестры мало интересовали Илью Алексеевича.

– Она пригласила нас на свадьбу дочери, а девица-то, оказывается, на четвертом месяце, мерзость какая!

– Почему мерзость?

– Потому! В наше время никому бы в голову не пришло устраивать пышное торжество с беременной невестой. Когда живот уже виден, нужно скромно без свидетелей расписаться.

– Тамара, ты же знаешь, сейчас у молодых совсем другой образ жизни.

– Я не знаю, как там у молодых, но я соблюдаю тот образ жизни, в котором воспитана. Естественно, я сказала, что мы прийти не сможем.

– Почему?

Тамара смерила его презрительным взглядом и фыркнула:

– По-хорошему, нужно было сказать, что мы не считаем для себя возможным участвовать в празднике разврата, но я решила не обострять отношения. Отговорилась, что ты едешь в командировку, а одна я не хожу.

И он еще надеется, что эта женщина примет Алисиного ребенка! Да она дочку в землю закопает ради соблюдения приличий!

В очередной раз выйдя на балкон, Илья Алексеевич набрал на мобильном номер своей секретарши. Понимая, как жена отнесется к молоденькой красотке в приемной, он взял на работу бывшую учительницу русского языка, внушительную пенсионерку, которая каждый документ принимала так, словно это был диктант, который ей предстоит проверить и поставить оценку. С ней Илья Алексеевич чувствовал себя третьеклассником с проблемами в учебе, но твердо знал, что любое его поручение будет неукоснительно выполнено.

– Людмила Федоровна, это ваш босс. Не побеспокоил?

– Слушаю вас, Илья Алексеевич.

– Пожалуйста, завтра с утра найдите Ивана Сергеевича Анциферова, это аспирант кафедры психиатрии академии, и попросите его зайти ко мне. После трех я жду его в любое время, буду на работе допоздна.

– Хорошо, Илья Алексеевич.

1988 год

В положенный срок Жанна пошла в консультацию. Врач, убедившись, что беременность развивается нормально, поинтересовалась личными делами самой Жанны. Сказала, может выписать справку, чтобы в загсе расписали поскорее.

– Спасибо, не нужно, – процедила Жанна, – отец ребенка не собирается на мне жениться.

– Как же так? – Добрая женщина искренне огорчилась.

– Не знаю. Не хочет и все.

И неожиданно для себя она расплакалась. Понимала, что докторше, в сущности, не до ее забот, но никак не могла заставить себя остановиться.

– Ладно, не реви. Хочешь, дам тебе направление на аборт? Напишу социальные показания, и тебе сделают бесплатно.

– Я не знаю, что делать, – всхлипнула Жанна, – мне так страшно!

– А ты не бойся. Посиди, подумай, я тебя не тороплю. Избавиться от ребенка в наше время не проблема. Матка у тебя хорошая, осложнений быть не должно. С другой стороны… Если ты хочешь получить этого мужчину, у тебя есть шансы только пока ты беременна его ребенком. Сделаешь аборт – все! – Докторша вздохнула. – Вообще, хочу тебе сказать, мужчины очень строги к нам. Думаю, в

раю не было никакого змея-искусителя, а был только Адам, которому очень хотелось яблочка, вот он и уговорил Еву его съесть. А потом сказал, что она сама во всем виновата. Мужчины искушают нас хуже чертей, а когда мы поддаемся искушению, карают пуще Бога. Они хотят быть чистыми и праведными и не прощают, если мы позволяем им свернуть с истинного пути.

Жанна вытерла глаза уголком рукава и перестала плакать. Она была благодарна докторше за участие, но все же для нее было не то время, чтобы слушать отвлеченные рассуждения о мужской природе.

– Он все равно на мне не женится, – сказала она глухо. – Говорит, денег нет и жить негде, не справимся. А одна я тем более не справлюсь. Наверное, надо делать аборт. Он мне денег дал, так что направление не пишите, просто скажите, куда лучше обратиться.

Врач помолчала, задумчиво постукивая по столу кончиком ручки.

– Знаешь, – сказала она наконец – в твоем теле сейчас происходят чудесные изменения, потому что в нем зарождается новая жизнь. Но ты решаешь – тебе этого не надо, одна маленькая операция, и все становится как раньше. Но ко мне приходят и другие женщины, изменения в их телах связаны с болезнью. И как-то получается, что таким простым способом они от болезни избавиться не могут. Мы, врачи, можем одним движением выгнать из человека жизнь, но ничего не можем поделать, если в нем поселилась смерть. Бедным больным женщинам остается только ее принять. Так, может быть, ты примешь жизнь, которая поселилась в тебе?

Из консультации Жанна вышла с надеждой. Врач сказала, что Илья одумается, если она сохранит ребенка. Вдруг она права? Вдруг у него проснулась совесть? Ей самой нужно было быть тверже при их последнем разговоре, а она растерялась. Нельзя было брать его чертовы деньги, нельзя было плакать и с ума сходить от отчаяния. Нужно было непоколебимо стоять на своем – от ребенка она не будет избавляться ни при каких обстоятельствах. Произошла не маленькая неприятность, а необратимое событие, с учетом которого им теперь придется строить жизнь.

Внезапно к ней вернулось хорошее настроение, и Жанна почувствовала голод. Последние дни из-за переживаний она почти не ела. Жанна огляделась. На пути как раз было здание институтской столовой, что ж, она имеет полное право пообедать здесь. Волнуясь, Жанна вошла в низкую двустворчатую дверь. Она сама не понимала, боится или хочет сейчас встретить Илью. Взяв салат и биточки, Жанна с подносом шла между столиков. Ильи не было, зато ее окликнула Ольга.

Ольга в одиночестве пила чай с булочкой. Жанна с завистью посмотрела на широкое обручальное кольцо на ее безымянном пальце. Есть же женщины, личная жизнь которых не связана с отчаянием и страданиями! Они спят с мужчиной первый раз не украдкой, а на брачном ложе, при полном одобрении родственников и знакомых, известие о беременности вызывает у них только радость, и, даже если они заводят любовников, никто не смеет особенно их осуждать. «Почему мне не выпала такая судьба?» – горестно вздохнула Жанна, ставя тарелки на не слишком чистый пластиковый стол.

– Как ты? – спросила Ольга участливо, и Жанна чуть не поперхнулась салатом. Неужели о ее положении уже известно всему институту?

– Нормально, – ответила она осторожно. – А что?

– Да ничего. Просто я удивилась, что Илья бросил тебя ради этой мымры. Лично мне вы казались очень хорошей парой.

– Ради какой еще мымры?

– А ты не знаешь? Он ничего не сказал тебе?

– Сказал, и очень много. Но это неважно. У него что, другая?

– Во всяком случае, когда он вернулся с каникул, все узнали, что он женится на Тамарке.

– Что за Тамарка? – Жанна чувствовала, как в страшных муках корчится и умирает та маленькая надежда, которую удалось поселить в ее душе докторше из консультации.

– Вон, смотри, в углу сидит, в зеленой куртке.

Жанна во все глаза уставилась на соперницу. Пришлось признать, что та была гораздо красивее ее. Классические черты лица, светлые волосы убраны в строгую прическу… Жанна всегда завидовала блондинкам и считала, что не может с ними соперничать.

– Я терпеть ее не могу, – пожаловалась Ольга, – такая вредная! И строит из себя черт знает что. Ты нравишься мне гораздо больше.

– Сейчас имеет значение, кто нравится Илье, – буркнула Жанна.

Есть она уже не могла, слушать Ольгины утешения – тоже.

Илья увлекся красивой девушкой, как говорится, «запал» на эффектную внешность. Конечно, сейчас он не видит, какая она вредная, но с течением времени разберется. Только времени у Жанны как раз и нет! Ведь Ольга сказала – женится.

Значит, Илья бросил ее ради другой женщины, а не потому, что она просто надоела ему. А если Тамара исчезнет из его жизни? Если ее не будет? Илья вернется к ней, Жанне! Она скажет, что по-прежнему носит его ребенка, и ему просто некуда будет деться.

Она догнала Тамару возле главного корпуса. Та недовольно обернулась, поправляя на плече широкую лямку сумки с учебниками.

– Что вам нужно?

– Тамара, мы должны поговорить! Это очень важно!

– Да в чем дело?

– Давайте отойдем.

Тамара поморщилась, но все же пошла с ней в скверик, где стоял скромный памятник медикам, погибшим во время войны. Когда девушки сели на скамейку, Тамара с вызовом обернулась к Жанне и вздернула бровь.

А Жанна ринулась в атаку. Эта красивая, высокомерная девушка была для нее противником, врагом… И чем мощнее будет натиск, тем больше шансов, что враг капитулирует.

– Дело в том, – сказала она напористо, – что я девушка Ильи.

– Неужели? – На холодном лице не дрогнул ни один мускул.

– Да, именно так. Мы давно встречаемся, и не нужно вставать между нами. Оставьте Илью в покое!

– Все дело в том, что он не оставляет в покое меня, – Тамара поднялась. – Он сделал выбор, и, думаю, нам с вами не о чем разговаривать.

– Послушайте, – Жанна схватила ее за локоть, – послушайте! Я жду от него ребенка! Прошу вас, откажитесь от Ильи.

Тамара попыталась высвободить руку, но Жанна держала крепко.

– Да пустите же, или я позову милицию! То, что у вас с ним было, меня совершенно не интересует.

– Пожалуйста! Если вы бросите его, он вернется ко мне. Поймите меня как женщина, – умоляла Жанна, еле сдерживаясь, чтобы не упасть перед Тамарой на колени. – Вы найдете другого мужа, а я… Я беременна от него, понимаете?

Тамара смерила ее холодным взглядом:

– Что вы от меня хотите? Я вас к нему в постель не укладывала.

Вырвав руку, она зашагала по дорожке. Вне себя от горя и унижения, Жанна догнала ее:

– Вот, возьмите! – она сунула Тамаре деньги, которые ей дал Илья. – Возьмите и передайте ему!

– Что это?

– Он знает что. Его деньги мне не нужны.

Она сама не знала, зачем сует Тамаре деньги. Просто хотелось хоть чем-то ответить на унижение.

Еще одно крушение… Сколько их у нее впереди… Нужно быть готовой к новым ударам судьбы.

Глава 5

Звонок секретарши Ильи Алексеевича застал Анциферова на донорском пункте. После трагической Зоиной гибели он исправно сдавал кровь в память о ней. Сотрудницы отделения переливания крови встретили его приветливо, напоили чаем и только после этого усадили в кресло и подключили к аппарату для забора крови. Именно в этот момент зазвонил мобильный Ивана. Любезная сестричка достала телефон из заднего кармана его брюк и поднесла к уху.

Илья Алексеевич вызывает к себе? Что бы это могло значить?

Он машинально работал кулаком, чтобы кровь быстрее поступала в систему, и думал, что понадобилось от него главному врачу одной из крупнейших больниц города. «Может, хочет отругать за то, что я кормил тритона салом?» Более разумные объяснения в Ванину голову не приходили.

Электронные весы запикали, сообщая, что нужная доза набрана, сестра подбежала, быстро выдернула иглу из вены и туго забинтовала Ванину слегка онемевшую руку. Он поднялся и отправился к сестрам за новой порцией чаю.

К чаю ему дали бутерброд с вареньем.

– Через два месяца ждем вас снова, – кокетливо сказала сестра, грузная женщина средних лет. – У вас такая хорошая кровь, чудо просто! Густая, сильная!

– Вы так говорите, будто вы вампир, – хмыкнул Ваня и полез в карман за сигаретами.

– Серьезно, мы вашу кровь всегда детишкам отсылаем. Виктор Сергеевич, когда у нас заказывает, первым делом спрашивает – а от доктора Анциферова нету? Единственное, что нас тревожит, это ваш моральный облик. Как бы вы чего-нибудь не нагуляли на свободе.

Он энергично замахал руками и уверил сестру, что это практически невозможно.

– Жениться вам надо, Иван Сергеевич! И вам хорошо, и нам спокойнее будет. Обязательно надо жениться, – убежденно повторила сестра.

– Было бы надо, давно б женился, – отшутился Иван и поблагодарил за чай.

Чем думать да гадать, лучше съездить и узнать, рассудил он и поехал к Илье Алексеевичу.

Он развязно вошел в приемную, но тут же вытянулся в струнку под строгим взглядом секретарши. Иван знал, что раньше она была учительницей русского языка и многие аспиранты за скромную мзду давали ей править ошибки в своих работах. Но до сегодняшнего дня он ни разу не видел Людмилу Федоровну и был потрясен ее внушительной мощью.

– Анциферов для беседы прибыл, – отрапортовал он и заслужил благосклонный взгляд.

Людмила Федоровна поговорила с боссом по селектору.

– Можете войти.

Кабинет Ильи Алексеевича оказался огромным, маленький хозяин еле виднелся за письменным столом. На стене висел российский герб и выполненный маслом портрет какого-то упыря в очках. Судя по белому халату, упырь имел отношение не к власти, а к медицине, и это Ивану понравилось. Портреты президентов в кабинетах любых руководителей его раздражали.

– Заходи, Ваня, – Илья Алексеевич поднялся из-за стола, – садись. Сейчас мы с тобой выпьем чего-нибудь…

Он заглянул в шкаф, достал коньяк и коробочку конфет «Мерси». Иван принял у него бутылку.

– Открывать должен младший по званию, – сказал он, точным движением откручивая золотистую пробку.

– Ну давай, – Илья Алексеевич приветственно поднял стакан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/mariya-voronova/klinika-vernosti

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить